

Проклятье сокровища Хроака

18+

Мансуров Андрей

Андрей Арсланович Мансуров

Проклятье сокровища Хроака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69674440

SelfPub; 2023

Аннотация

Пионеры неосвоенных и диких земель Американского континента часто сталкивались с сопротивлением аборигенов – североамериканских индейцев. И поскольку "белые" истребили почти всех, артефактов и культурного наследия осталось до удивления мало. Но вот в руки двух братьев-авантюристов и проводника из "старожилов" попадает старинная карта! Где указано место расположения древнего клада. Всё бы ничего – да клад – проклят! И чем же отчаянный поход кончится для отряда искателей и примкнувшей к ним поневоле женщины?..

Андрей Мансуров

Проклятье сокровища Хроака

1. Странное предложение

Когда Билл вошёл в салун, привычная темнота огромного, по второму этажу окаймлённого галереей, помещения, не напрягла его. Он знал, что вот так, сходу, не дав его глазам привыкнуть к полумраку, никто в него палить не начнёт. Не спортивно. И неинтересно. И – главное! – не соответствует неписанному «кодексу чести» бандитов!

Поэтому он абсолютно спокойно отметил, что уже стоит в центре новый стол взамен разломанного в его прошлый приезд сюда излишне ретивыми драчунами, и с десятков тоже новых табуреток: а вот этот «расходуемый материал» у Мозэса в салуне заменяется постоянно. Уж больно удобно разбивать о голову, и другие части тела противника...

После краткой остановки у скрипучих дверей, Билл направился прямо к стойке, где сам Толстый Мозэс, огромный, раскидистый и монументальный, словно араукария, царил безраздельно, занимая, казалось всё пространство за ней. Хозяин привычно полировал стаканы, но при виде Билла поторопился взять бутылку, поднеся к ободку «отполированного» стакана. После чего вопросительно приподняв брови,

уоставился на Билла.

Билл вполне благодушно кивнул:

– Да. Как обычно.

Без единого слова Мозэс налил ему на два пальца «Джек Дэниэлз», и плеснул содовой. Билл, запрокинув голову, влил пойло одним глотком в лужёную, практически утратившую чувствительность, глотку. Которая вкус обжигающего напитка, если честно, не воспринимала вообще никак: что вода, что прекрасный виски, что молоко... Жидкость!

– По второй.

Когда поставленный на стойку стакан снова наполнили такой же порцией пойла, Билл, взяв его левой рукой, наконец счёл нужным оглядеться попристальной.

А всё вполне мирно и привычно. Инстинкты не подвели: ничего опасного. Вон: в дальнем углу три профи раздевают в покер какого-то лоха-фермера, похоже, проездом забредшего в их городишко, по дороге на ярмарку, которая через пару дней начнётся в Пайпервилле. Фермер сопит, но пока держится: даже пот с нахмуренного лба стирает посеревшим платком не чаще, чем раз в минуту. Его же партнёры сосредоточены. На Билла даже внимания не обратили. Ближе к выходу сидит старичок, печальным взором буравящий жидкость в стакане: Харпер-зануда. Обожающий рассказывать новичкам-приезжим о том, как он во времена первопоселенцев гонял стада быков. Перед ним торчит полупустой стакан с дешёвеньким розовым вином. Билл не сомневался, что

Харпер обосновался на этом самом месте с момента строительства салуна. Как не сомневался и в том, что тот никогда не закажет ничего другого. Как и в том, что приходить сюда молчаливый продублённый ветрами и солнцем жилистый старикашка будет каждый день, с открытием почтенного заведения. Он, скорее всего, и умрёт здесь же.

На втором этаже, на галерее, видны две мирно болтающие шлюхи, в платьях, выставяющих напоказ «достоинства» уже начавших расплываться тел: Мими и Кайли. И поскольку Билла они знают, как облупленного, и прекрасно понимают, что он не по их душу пожаловал сюда, продолжают болтать, обсуждая новую шлюху: Дайану. Та помоложе, поактивней, «с огоньком», так сказать, и, похоже, занята – нету её внизу, за столиком возле выхода в кладовку. Где Мозэс разместил её.

Есть ещё пара молодых раскрасневшихся от азартно-радостного разговора коммивояжеров. Те, кажется, провернули какую-то ну очень успешную сделку: пьяны настолько, что один уже сидит, склоняясь к столешнице, и прикрыв глаза рукой, всё равно стараясь объяснить что-то о «процентах», другой же пытается выдоить из опустевшей бутылки с виски ещё хоть каплю в свой стакан. При этом выпучив глаза, и качаясь, словно удав перед гипнотизируемым кроликом.

Не обнаружив ничего интересного для себя, Билл наконец пригубил напиток.

Хм-м... А ничего. Когда поперекатываешь его языком во

рту, оказывается очень даже приятно. Но где же чёртов Рамирес?

Ага, есть!

Вот послышался нарастающий стук копыт, а вот и туча пыли у дверей салуна: приехало не менее пяти человек. Вот, судя по звукам, они слезают с коней, привязывают тех к конюшням, рядом с конём Билла. Обмениваются фразами на испанском: коня Билли-боя точно узнали. В одном из голосов Билл явственно чувствует неуверенность: похоже, обладатель хриповатого тенора с ним знаком. Ну, или, вернее, с его кулаками: доведись неуверенному познакомиться с револьвером Билла, его бы просто на этом свете не было. На остальных, впрочем, предложения труса, как его обзывает Рамирес, влияния не оказывают: шумной и зловещей толпой компания одетых в чёрное мужчин вламывается в салун, буквально чуть не снеся хлипкие раздолбанные дверцы.

Рамирес, как и положено главарю, впереди. Волосатые загорелые руки привычно возле рукояток кольтов. Он мгновенно оценивает обстановку тренированным глазом:

– Хэлло, Билли-бой. Давно ждёшь нас?

Билл нарочито неторопливо приподнимает бровь:

– Привет, Рамирес. Да нет. Всего-то с позапрошлой ярмарки.

Головорезы начинают переглядываться, гортанно гоготать, и скалить в усмешках кривые и сильно прореженные зубы. Билл припоминает, что вот этому и этому он действи-

тельно – прореживал их лично. Харпер-зануда отрывает было мутный взор от стакана, но сразу же возвращает его обратно. На пьяных коммивояжеров появление новых персонажей не действует никак. Вернее, один роняет-таки голову на уложенные на деревянный стол руки. Второй, довылив в глотку то, что удалось нацедить в стакан, напротив: откидывается на спинку стула. Глаза посоловели, рот открыт.

А вот девочки прекрасно понимают, что сейчас произойдёт. Поэтому быстренько удаляются в свои комнаты, чтоб безопасно следить за дуэлью из окон второго этажа.

Рамирес тоже усмехается в свои, надо признать, шикарные, усы:

– Ну, извини, что заставил себя ждать. И я даже готов позволить тебе допить, прежде чем мы начнём! – голос у Рамиреса приятный, несмотря на, а, может, как раз благодаря акценту, и глубине, явно из грудного резонатора. Такой, как знает понаслышке Билл, неотразимо действует на всех женщин – начиная от пятнадцатилетних романтично настроенных подростков, и кончая семидесятилетней, похожей на хитренькую седую мышку, мисс Даунинг. И быть бы головорезу чемпионом популярности... Если б только за словами не шли дела.

И – дела нехорошие.

Рамирес и его головорезы за последние два года перебили почти дюжину местных мужчин. Сделав вдовами и сиротами их жён и детей.

– Я крайне признателен тебе, амиго, за такую любезность. Но не жди: иди на место. Я не заставлю тебя ждать так долго!

Рамирес, криво усмехнувшись, но промолчав, выходит. Билл действительно допивает виски. После чего прихлопывает ладонью к стойке серебряный бакс:

– На сдачу – пошла игрокам. И Харперу. И девочкам. А вон тем парням больше не надо. Им и так хорошо.

Билл, не дожидаясь ответа, поскольку знает, что его не будет, идёт к дверям. Банда Рамиреса уже отошла к концу улицы: поближе к похоронному бюро Коллинза.

Это уже в какой-то степени традиция: и логично и практично: кого бы не убили в предстоящей схватке, всё меньше таскать!

Билл, перебирая тренированными пальцами у кобуры, движется к мексиканцам. Он ведь вызвал их сюда сам. Его задача – показать, наконец, распоясавшимся придуркам, кто в доме хозяин. И выполнить её он намерен хорошо.

Рамирес, уже заметивший его, и занявший место в центре пыльной полосы, что громко зовётся улицей, тоже перебирает пальцами. Шляпа сдвинута на спину, держась на шнурке под подбородком. Билли-бой шляпы не носит принципиально. И бреется налысо – как герой Гражданской войны полковник Райт. С которым Билл имел честь служить.

– Ну что, доморощенный борец за справедливость, готов?

– Готов, Рамирес. Пусть кто-нибудь из *твоих* хлопнет – у меня подельников нет.

– Не возражаю. – Рамирес тоже не любит пространных речей, – Хосе. Давай.

Долговязый Хосе, обладатель огромных заскорузлых ладоней типичного землешца, разводит их в стороны. Без лишних слов и секунд ожидания хлопает.

Два выстрела почти сливаются в один, лишь на долю секунды отстав от звука хлопка. Рамирес, с дырой во лбу, медленно заваливается на спину, поднимая при падении тучу пыли. Но и Биллу приходится упасть в пыль на задницу: жутко больно, и простреленная в области середины левая ляжка не выдерживает: неужели задета кость?!

Головорезы Рамиреса, словно озверевшая свора бешеных собак, пользуются случаем: выхватывают свои пушки, и начинают палить в сидящего по центру улицы Билла. Билл пытается отстреливаться, но из-за пыли мечущихся в разные стороны, чтоб не дать ему прицелиться, бандитов видно плохо – он видит, что мажет. А вот их пули ложатся всё ближе к неподвижной мишени: одна так и вообще кувалдой ударила по черепу, но, к счастью, рикошетирила от кости, и обожгла, оцарапав, его загорелую макушку!

Билл, от удара завалившийся теперь на спину, понимает, что пришёл, похоже, его последний час, и радуется, что ни родных ни близких у него нет: некому его оплакивать. Как, впрочем, и ему – нечего что-нибудь кому-нибудь оставить. Кроме, разве что...

Всё его достояние – верный кольт. Да пояс с патронташем.

Ну, и конь.

Но тут начинаются странные дела!

Слышатся два оглушительных выстрела – не иначе, стреляли из винчестеров!

Билл, лежащий теперь на боку, видит, как два бандита, бегущих к нему зигзагом, чтоб добить уж наверняка, падают в пыль со стоном и криком, на груди мгновенно расплываются бардовые пятна! Ещё два выстрела!

Другие двое, переглянувшись в недоумении, не успевают, впрочем, даже сдвинуться со своих мест! И тоже падают, схватившись, один – за грудь, второй – за живот.

Билл оглядывается. Всё верно: по звуку он правильно понял, откуда велась стрельба.

Один из «вдупель пьяных» коммивояжёров слезает с крыши дома Хромого Питера, другой встаёт из-за перил балюстрады дома Харпера-зануды.

К вновь севшему Биллу они подходят не торопясь, и опустив оружие. Впрочем, чтоб прекратить мучения, а заодно и заткнуть утробно и громко воющего бандита с дырой в животе, ближайший молодой человек мгновенно – Билл такой скорости движений никогда не видел! – скидывает ружьё, и разносит вдребезги череп вывшего и надсадно стонавшего!

– Вы в порядке, Билл?

Судя по нахмуренным бровям и напряжённому тону второй молодой человек, почти парень, (тот, который ронял голову на руки) не слишком в этом уверен. Да и правильно:

у Билла уже начала кружиться голова от контузии, и обильной кровопотери и боли. Но на вежливый вопрос надо ответить тоже вежливо:

– Благодарю. Я в порядке.

Внезапно вселенная вокруг Билла начинает угрожающе раскачиваться и кружиться, в ушах звенят чёртовы колокола, и к лицу стремительно мчится пыльная колея!..

Очнулся в постели.

Так. Всё ясно. Комнатка на втором этаже всё того же са-луна.

Молодым людям явно пришлось вытурить из комнаты одну из девочек. А, нет: не вытурить – вон она, стоит в углу, у старинного громоздкого шкафа, с окровавленной тряпкой в руке, и сосредоточенным выражением на лице. Биллу почему-то кажется, что эту женщину он знает. Но главные действующие лица прямо перед ним. На двух табуретах, завершающих меблировку комнатки, сидят два «коммивояжёра». Смотрят на Билла.

– Рады, что вы очнулись, уважаемый Билл. Правда, нам бы сообразить подойти на подмогу раньше – вы потеряли много крови. Но благодаря заботам Линды вы перевязаны на совесть, и вашей жизни больше ничто не угрожает. Она сказала, что кость не задета.

– Спасибо, Линда. – Билл, потрогавший рукой повязку на ноге и другую – на голове, и переведший взгляд снова на

женщину, и удивляясь, как ослаб и охрип голос, вспоминает, что действительно, месяца два назад он пользовался её «услугами». Но это было в борделе Шарлоттскрика, в двадцати с лишним милях отсюда. Как же она?..

– Пожалуйста, Билли–бой. – да, это она. И голос у неё грудной и мягкий. Словно бархатистый, – Рада, что ты жив. И хотела ещё раз поблагодарить твоих спасителей.

– Не стоит, Линда. Ведь мы спасли его не просто так. Нам нужна его помощь! И мы готовы за неё хорошо заплатить!

Разговор теперь ведёт тот мужчина, что чуть постарше, но всё равно – мужчиной его можно назвать только с большой натяжкой: тоже вчерашний юноша, лет двадцати двух – двадцати трёх. Да и загара, характерного для того, кто всю жизнь с детства мотается по их прокалённой ослепляющим белым солнцем полупустыне, у обеих парней нет.

Но какое же у них может быть к нему дело?

– Билл. Мы понимаем, что заинтересовали вас. Не будем томить, и расскажем. Но!

Если вы и Линда не против, только наедине. – многозначительный взгляд на женщину.

Линда возмущённо фыркает. Но потом демонстративно бросив тряпку в тазик с водой, так, что летят брызги, выходит из комнатки, хлопнув дверью. Проводивший её демарш глазами старший поворачивается к Биллу снова:

– Простите, Билл, мы не представились. Вот это – Этьен. А я – Майкл. Мы кузены. По матери. А вас нам описали,

как самого опытного, и знающего каждый камушек в местных прериях, горах и ущельях, профессионала. И охотника, и пастуха, и наёмника.

– Это верно. Я промышляю, чем могу. И где могу. – Билл криво ухмыляется, хотя в этой ухмылке изрядная доля горечи. Он давно успел понять, что если и избавит землю от присутствия на её поверхности своей персоны, никто от этого ничего не проиграет.

Он – одиночка.

И – нелюдимый, и злобный одиночка. Хорошо умеющий только одно – стрелять!

И, может, то, что он назначил встречу Рамиресу именно здесь, и желал во что бы то ни стало убить и его и его головорезов даже ценой своей жизни, было... Как бы прощанием! Он хотел сделать хоть что-то полезное и доброе напоследок. Потому что...

Потому что доктор сказал ему, что его дней осталось – до конца года.

Опухоль в животе растёт с каждым днём. И болит там всё сильнее.

– Ну и в чём же состоит ваше дело? – Биллу и правда интересно, что же им такого нужно от него, что они преспокойно решились завалить четырёх человек. Хотя...

Хотя жизнь человека тут не стоит и гроша!

– Мы... Как бы это сформулировать... Кладоискатели. Профессиональные. И мы знаем, что где-то здесь, там, где

раньше была индейская территория, ну, та, где жили эти самые Чинуки, спрятан древний клад! И поскольку сейчас все индейцы или перебиты, или вымерли от оспы, ну, или загнаны в резервацию, эта территория не... Принадлежит никому. Поскольку для фермерства горы не подходят. И можно смело искать!

Билл... рассмеялся.

Открыто, и легко. Ему и правда стало весело:

– Сразу видно, что вы не местные. Легендами о здешнем кладе маразматические старички и романтичные домохозяйки прожужжали уши всем нашим новорожденным, ещё в колыбели. И всем новичкам, и гостям, регулярно вешают эту байку. Уже пятнадцать лет, как эти мифические сокровища пытаются найти – и одиночки, вроде меня, и целые отряды. Однако в последние лет пять – уже не столь активно, и без того щенячьего энтузиазма, что вначале. А сокровищами, если честно, и не пахнет...

Так что вы уж простите, уважаемые спасители, но помочь – не смогу. Поскольку искал и сам. И в этот клад уже не верю!

– Да, мы тоже в курсе. Что его и давно, и тщетно ищут. Но мы и сами не стали бы заниматься этим делом, если бы не... – а заинтриговала Билла странная уверенность в тоне Майкла, – Вот взгляните!

Из-за пазухи Майкл извлекает свёрнутый трубкой кусок материи. Аккуратно разворачивает. Внутри оказывается лоскут кожи. На ней что-то нарисовано.

А, нет: не нарисовано! Билл, приглядевшись, когда Майкл поднёс развёрнутый кусок к его глазам, понял, что линии и контуры на коже – выжжены! И оттиснуты. Да, такие линии с годами не потускнеют... Но что же это за карта? И откуда она у... кузенов?

Но обозначено всё, вроде, вполне конкретно!

Так. Вот это – ущелье Старого Беркута, без сомнений. А вот это – река Гусон-крик. Ну, как река: в такое время года от неё остаётся только тощенький ручеёк – курице по колено! А вот здесь – хребет МакКинроя. И гора Ункаса. А вот сюда, в это место, ведёт что-то вроде... пунктирной линии. Значит ли это, что вот по этому маршруту и нужно ехать?

К вот этому крестик. Обведённому ещё и кружком. А вот это – что?.. Хм-м...

– Откуда у вас эта карта?

– Мы...

Едва слышный шорох за дверью вызывает сразу несколько событий.

Этьен, мгновенно подскочив к двери, распаивает её нараспашку, в его правой руке сверкает новомодный писмейкер. Но затем револьвер так же мгновенно скрывается в кобуре, а правой рукой мужчина вдёргивает в комнату за руку наклонившуюся так, что ухо явно прижималось к замочной скважине, женщину.

Линда даже вскрикивает от неожиданности! Но сопротивляться не в силах: весит она не больше девяноста фунтов, а

в Этьене на вид все сто сорок.

Выглянув наружу, и убедившись, что больше никто их разговором не интересовался, мужчина заходит обратно. Дверь Этьен аккуратно прикрывает, на этот раз защёлкнув её на щеколду.

Линда помалкивает. Но по покрасневшемуся лицу видно, что она ну очень живо интересуется предметом разговора и «дела» мужчин. А уж как загорелись карбункулами её глаза, когда она увидела карту! Которую, впрочем, Майкл поспешил свернуть и завернуть обратно в тряпицу. И спрятать на груди.

– Леди. Вы сильно осложнили нашу задачу. Мы с братом не привыкли, что в наши дела вмешиваются посторонние. И теперь, боюсь, нам придётся вас просто... Убить!

В голосе Майкла не имеется и намёка на то, что он шутит. Приходится Биллу вступить за женщину:

– Я поручусь за неё. Она – не из болтливых. Я уже встречался с ней.

– Нет, уважаемый Билл. При всём нашем уважении. Так не пойдёт. Из болтливых, не из болтливых – разницы нет. Это – мужское дело. И оно должно остаться только между нами. Оставлять за спиной потенциального шпиона, или врага, который может пустить по нашему следу конкурентов, или мерзавцев из какой-нибудь банды, или даже шерифа, мы не хотим.

– Она – не враг. Ведь помогала мне!

– Разумеется. За плату.

– Хорошо, пусть так. Ну а теперь я тоже хочу отплатить ей. Хотя бы – гарантией её... Жизни. Ведь нам не обязательно... Оставлять её здесь.

Мы можем просто... Взять её с собой! *Так* она точно никому ничего не расскажет!

– А вот такая мысль нам в голову не приходила. – Майкл и Этьен переглядываются, усмехнувшийся Этьен едва заметно кивает, – Хорошо. Заодно будет кому вас перевязывать. И готовить еду. И стирать нашу одежду. Потому что путь явно предстоит неблизкий. Но!

Чтобы быть твёрдо уверенными в том, что она никому ничего рассказать не успеет, выезжаем немедленно! Тем более, что раны ваши, по её же уверениям, не слишком опасны.

Ну а потерю крови компенсируем захваченным мясом. И красным вином.

Билл, перебравшийся с жёсткой постели на не менее жёсткий табурет, действительно подкрепился принесёнными Мозэсом лично мясом и вином, капитально. Впрочем, составившие ему компанию Майкл и Этьен тоже не отставали: ехать явно предстоит долго и далеко, а трактиров и салунов по дороге уж точно не встретится. Линда от еды отказалась, вероятно, из принципа, но скромно и тихо, потупив глазки к полу, сидела возле шкафа, пока мужчины подкреплялись.

Закончив трапезу, Билл не без удовлетворения отметил

себе, что так оно гораздо лучше. Раны почти перестали болеть, и сил точно – прибавилось! Хорошая вещь баранина. Потому что коровы на местной тощей травке прокормиться не могут.

– Если мы закончили, можем ехать! Билл. Собирайте вещи.

– Вон все мои вещи. – Билл кивает на лежащий возле Линды пояс с патронташем. – Но мы ещё не обсудили условия моего... Найма.

– Да. Нам немножко помешали. Но с этим – просто. Ваша – треть.

– Хм-м... Согласен. – Билл протягивает руку, и Этьен и Майкл кладут сверху свои ладони, – Поскольку карта ваша, а я – только следопыт и проводник, это справедливо.

Из угла доносится мелодичный голосок:

– А я?

– А вашей доли, уважаемая Линда, не предусмотрено. Поскольку вы возникли в нашем плане благодаря случайности. И если б не заступничество вашего пациента и друга, вряд ли были сейчас живы. Но если Билл благополучно поправится, и захочет вас как-то... э-э... отблагодарить из своей доли, мы возражать не будем.

Лошади у Линды, естественно, не имелось.

Поэтому Биллу под своё слово пришлось одолжить её всё у того же Мозеса. Нарочито равнодушным взглядом следивше-

го, как их маленькая экспедиция приторачивает узлы с провизией и вещами на своих лошадях. Но молчавшего. С одной стороны, он Биллу отказать не мог, но с другой наверняка понимал.

Что, похоже, лошадь потеряна для него навсегда. Как, возможно, и женщина.

До заката солнца ещё оставалось часов пять, поэтому ехали, всё ещё пропекаемые жестоким пустынным солнцем, неторопливо. Чтоб лошади не уставали.

2. Путешествие

Ехать пришлось по привычному Биллу чуть не с детства ландшафту: выгоревшей до блёклости полупустыне с редкими кустиками солянок и колючих кустов, пожухлой пропылённой травой, и бесконечными сусличьими норами. Которые привыкшие к местным особенностям путешествий лошади тщательно объезжали: попадание чревато переломом ноги. Впрочем, самих обитателей нор Билл почти никогда не видел. Похоже, привыкли те не доверять людям, иногда использующих их для тренировки меткости стрельбы, и прячутся загодя, едва завидев или заслышав человека или лошадь.

С другой стороны, в первые, голодные, годы освоения этих мест, когда ещё не было отар всеядных и не требовательных к солоноватой воде баранов, и фермеры хватались то за одно, то за другое, чтоб хоть как-то прокормить семьи, охотились и на сусликов. И ели. Всё-таки – полтора кило-

грамма вполне съедобного мяса...

Линда, едущая в середине маленькой процессии, и часто оглядывающаяся, и ёрзающая в седле, наконец не выдерживает. Просит со страдальческим выражением на лице, которое не разжалобило бы только уж совсем каменное сердце:

– Билл! Мне надо... ну, это!

Билл переглядывается с остановившимися коней Майклом и Этьеном. Те пожимают плечами и усмеваются. Билл говорит:

– А почему нельзя было сделать этого раньше, перед выездом?

– А потому что, если вспомните, – яда в голосе женщины теперь не заметила бы только светло-коричневая песчаная гадюка, сейчас резво уползающая с пути лошади Билла, едущего, разумеется, впереди, – вы сами запретили мне покидать вас даже на секунду!

– А, да. Верно. Было такое. Хорошо. Не возражаем. Этьен, вы не против подержать лошадь нашей уважаемой дамы?

«Дама», фыркнув, слезает с седла. И действительно передаёт поводья Этьену, замыкающему их маленькую кавалькаду. После чего скрывается за ближайшим кустом колючки, очень кстати вымахавшем почти в человеческий рост. Впрочем, долго она себя ждать не заставляет. И когда возвращается, на лице и умиротворение, и даже улыбка:

– Поехали!

Билл только кивает. После чего вновь пускает лошадь

неторопливым шагом.

Однако через ещё пару часов им приходится остановиться на ночлег.

Потому что в темноте лошади почти ничего не видят: близится новолуние, и на гаснущем небосклоне – только звёзды. А в их свете лагерь не разобьёшь. И хотя ночью в пустыне обычно куда прохладней, ехать нельзя: сусличьи норы!.. А дорог тут нет.

Билл помогает по мере возможности: к концу путешествия контуженная голова кружится, а раненная нога сильно разболелась. И он только с большим трудом удерживается от гримас и ругательств. Однако Майкл и Этьен видят его состояние:

– Билл. Мы сами распакуем спальные мешки. И костёр разведём. А сейчас давайте-ка уважаемая Линда вас перевяжет. А то для чего же мы её брали?

– Но-но! Вы, джентльмены с...ные, и плохо понимающие мой статус, не наклейте! Я вам не служанка!

– Совершенно верно, уважаемая. Вы – не служанка. А раба. И не обольщайтесь относительно своего статуса. И не забывайте: вы живы лишь до тех пор, пока нужны Биллу. И нам. Потому что пустыня – она сохраняет мёртвые тела ничуть не хуже, чем могила, выкопанная в её песке. Выбирайте. – Майкл указывает на Билла, и на пустыню вокруг.

А поскольку другая рука Майкла, совершенно равнодуш-

ным голосом произносящего эти фразы, лежит на рукоятке его писмейкера, женщине не остаётся ничего другого, как сделать выбор. В пользу Билла. Подойдя к своему «гаранту», Линда вздыхает:

– Билл, слезайте. И садитесь на вон тот спальный мешок. Буду вас перевязывать.

Билл так и делает. Лошадь свою он стреноживать смысла не видит: приучена находиться поблизости от хозяина, и даже пасться далеко не уйдёт. Майкл и Этьен, судя по всему, своим коням так же доверяют. А вот лошадь, которую дал Мозэс Линде, и ту, что вёл в поводу Майкл, запасную, на которую были нагружены спальные мешки и кухонные принадлежности, пришлось, вот именно, стреножить.

С распаковкой и стреноживанием кузены управились быстро. Но когда Этьен захотел развести костёр из взятых с собой дров, Билл не позволил:

– Нет, Этьен. Сегодня – всухомятку. И без горячего чая. Вы, впрочем, и сами догадываетесь, почему!

– Ваша правда, Билл. И свет, и запах. А главное – дым. Могут засечь. Наши возможные преследователи. Кстати: вы давно знаете этого Мозэса? Уж больно подозрительная у него морда! Хитрущая. Этакий подпольный босс всего городишки. Он в мэры ещё не пробует баллотироваться? Ха-ха!

– Мозэса я знаю уже лет пять. Он перекупил свой салун у вдовы предыдущего хозяина, Горбатого Вилли. Подешёвке. И с тех пор вполне... Освоился. И ему должны денег чуть не

половина всех жителей. Так что ваша правда: случись выборы – победа ему гарантирована. Правда, мэр пока Гуссону был без надобности. Хватало и шерифа. Пока месяц назад его головорезы Рамиреса не...

Но резон в вашем вопросе есть. Если кто и смог бы догадаться, для чего вы здесь, и зачем вам – я, так это – только Мозэс. И поскольку сам-то он вряд ли сдвинется с места, надёжных головорезов можно ждать в любую минуту.

– А ночью... Они могут напасть?

– Могут, конечно. Только – смысл? Гораздо практичней дать нам преодолеть все сложные места пути, и разгадать загадки этой карты, и добыть то, что, возможно всё же в обозначенном на ней тайнике имеется. А уж потом... На обратном пути – нас и – !..

Впрочем, возможен и такой вариант: на нас нападают, вот именно, ночью, вас с Линдой убивают, забирают карту, и принуждают меня довести их до обозначенного места.

– Как вы спокойно об этом говорите, Билл.

– Я Мозэсу не доверял никогда, а сейчас – тем более. Он отнюдь не дурак. И запросто мог догадаться – собственно, только совсем уж идиот не догадался бы! – что раз вам нужен я, следовательно вы, поскольку не местные, ищите человека, отлично знающего все места нашей чёртовой дыры. – Билл ухмыляется. Линда, в это время перебинтовывавшая ногу Билла, старательно хмурит бровки, и делает вид, что поглощена этим занятием, и не слушает. Но Билл не собира-

ется её щадить, – И уж поверьте: своих должников, и девочек он реально держит в кабале! Эти последние должны ему столько, что работают практически задаром. Что, собственно, понятно: клиентов в Туссоне мало, а заезжих почти нет. А кушать нужно каждый день. Так вот: у нас с собой наверняка штатный агент Мозеса!

– Свинья! – Линда, вскинувшись, от души приложила Билла ладошкой по щеке – след от пятерни, наверное, остался там красными пятнами. Билл долго и внимательно всматривается в освещённое закатным сумраком лицо, которое побелело от злости.

Говорит:

– Прости, крошка. Ты, конечно, помогаешь мне. Но это вовсе не значит, что мы должны тебе доверять. И что у тебя в этом дельце нет собственных интересов.

– Это каких же, например?! – но Билл уловил едва заметную паузу перед вопросом.

– Например, позволить нам найти и завладеть кладом, а потом пристрелить нас! После чего выбраться наконец из этой дыры, и начать новую, обеспеченную жизнь состоятельной дамы с положением в обществе. В большом городе, конечно, а не здесь!

– Идея хороша! – теперь покрасневшая женщина закусил губы, – Маленькая ошибочка! Из чего бы я вас, кобелей вонючих, пристрелила?!

– А хотя бы из того лилипута, которого ты спрятала в ле-

вом рукаве, когда мы выезжали! А там, за кустом, переложила в карман! – вот он: оттопыривается!

Вновь подтвердилось, что у Этьена самая быстрая реакция. Незаметно подойдя к женщине во время речи Билла, он теперь кинулся вниз, словно коршун, и обеими руками схватился за карман на передней части юбки женщины:

– Он прав, чтоб мне лопнуть! Я чувствую его через материю!

Кузен пришёл на помощь, схватив упирающуюся Линду за запястья:

– Ах, вот вы как с нами, леди?! Теперь я даже жалею, что поддался на уговоры вашего заступника! – и, к Этьену, – Забрал?

– Да. – Этьен вытащил из складок материи запутавшийся в них крохотный дамский пистолетик, – Не сказать, что серьёзное оружие, но если выстрелить в упор, скажем, в висок, или затылок... Потому что целиться из такого издалека – дохлый номер!

Линда разрыдалась:

– Сволочь ты, Билли-бой! Я для тебя... И перевязывала, и своим порошком от воспаления пожертвовала! А ты!.. А пистолет одинокой беззащитной женщине нужен всегда!

– А, так это от твоего порошка у меня в горле словно кошки ...рали?! – Билл и сам знает, что пушки имеются чуть не у половины кошечек Мозеса. Да и у дам из других борделей: места у них и правда, дикие, люди и нравы – буйные, и

защищаться несчастным «крошкам» как-то надо. Хотя бы – от распоясавшихся молодчиков типа головорезов Рамиреса. Но вопрос оружия он игнорирует. Пусть кузены им занимаются, – Горький и противный. Влила, что ли, пока был без сознания?

– А то! Потому что в сознании я его и сама пила... С трудом!

– Ладно, согласен. Придётся даже принести тебе извинения. За то, что не оценил по достоинству твоих порывов и стараний. Во врачевании меня. А вот за пистолет – нет. Не люблю, когда у меня за спиной – припрятанное в рукаве оружие! Могущее в любой момент сделать во мне дырку.

– Мы тоже припрятанное в рукаве оружие не любим. – Майкл держит малыша на открытой ладони, – Тем более, он четырёхзарядный. Уж извините, леди, но пока мы не сделаем своего дела, и не расстанемся, поделив найденное, он останется у нас!

– Вы таки-надеетесь найти этот чёртов клад?! Назвала бы вас наивными баранами! – и, заметив, как заходили под кожей желваки у Майкла, – Но поскольку у вас – пистолет – то просто: наивными. И если вы действительно что-то найдёте, я съем вашу шляпу!

– А вот на это, уважаемая, мы ещё поглядим. Причём – с интересом. Шляпа у меня жёсткая и просолённая. А хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!

Кузены всё же решили дежурить ночью. Билл вызвался помочь. Линду решили не трогать: не то, чтоб сделали скидку на то, что она – женщина, а просто не доверяли.

Линда, проигнорировав разговор мужчин об этом, просто легла на свой спальный мешок, демонстративно отвернувшись, и помалкивая. Этьен, с винчестером на плече, заступил на вахту. Билл, полежав на спине и поковыряв в зубах – мясо застряло! – полюбовался звёздами. Здесь, в пустыне, их всегда было видно плохо. Потому что за день неугомонный суховей поднимает в воздух тучи пыли и мелкого песка, и видно всё словно сквозь этакое марево. Собственно, так здесь и днём и ночью – дальше пяти миль всё сливается в туманную даль...

Но позже, когда они заедут в ущелье Старого Беркута, марева не будет. Поскольку там-то вокруг – голые скалы. Ну, поросшие жиденькими кустами камнеломки. И с каменистым же почти ровным дном – река Старого Беркута давным-давно пересохла, оставив после себя только намёки на своё ложе. Но вот позже, когда они выберутся к реке Тусон-крик... Хм-м... Впрочем, не будем забегать вперёд.

На его вахту Майкл разбудил Билла почти перед рассветом.

Билл, сходяв за кусты по утренним делам, взял винчестер в руки. После чего поднялся на близлежащий маленький холмик. Майкл, не заставив себя долго упрашивать, лёг

на свой спальник, и через пару минут Билл слышал его зали- вистый храп – бедный Этьен. А вот Линду бедной не назо- вёшь. Где-то в этой женщине есть... Подвох? Не иначе, она сама предложила уложить принесённого братьями Билла у себя. И подслушивала.

Билл неторопливо и обстоятельно, как делал всегда, осматривал горизонт.

Особенно тщательно всматривался в ту его часть, что осталась позади. Лошади у них, конечно, крепкие и здоро- вые, но всё равно: больше, чем на пару десятков миль за эти несколько часов они от городка не отъехали. И догнать мож- но легко, и найти – по следам.

Ага, есть!

В лучах еле видимой разгорающейся зари на фоне неба что-то блеснуло – примерно в паре миль от них!

Всё ясно: идиот, преследующий их, решил воспользовать- ся подзорной трубой, или биноклем, чтоб попробовать уви- деть, не двинулись ли они в путь! То есть – пораньше, до восхода слепящего обжигающего солнца!

Но один ли он – этот идиот? Хм-хм...

А, ничего: есть способы проверить. И «разобраться»!

На завтрак оказалось всё то же копчёное мясо и хлеб. Пока вполне свежий. Но Майкл, понюхавший срез краюхи, неодобрительно проворчал:

– Слишком, похоже, жарко для него. Начал попахивать.

Нужно сегодня доесть. А то – совсем заплесневеет на жаре в мешке.

Линда пожала плечами:

– А, может, тогда сразу нарезать его на ломти, и высушить? В сухари?

– Идея хорошая. Вот и займитесь.

– А нож?

Этьен, усмехаясь, достал из часового кармашка крохотный перочинный ножичек:

– Вот. Настоящий Барлоу!

– Вы что – издеваетесь?! Да таким – только в ноздрековырять!

– И тем не менее, уважаемая. Другого мы вам просто не дадим. Не осмелимся. Учитывая, что вы можете уметь метать их! – у самого Майкла за голенищами сапог имеется по меньшей мере два ножа, приспособленных как раз для – метания. И Билл с самого начала отметил себе, что даже если закончатся все патроны в писмейкере мужчины, (Что вряд ли! В коробках в одном из мешков Билл видел пару сотен патронов для писмейкеров!) безоружным его всё равно не назовёшь! Да и вряд ли эти ножи – всё, что припрятано у Майкла. Да и у Этьена.

Линда, пожав плечами, и даже не фыркнув, действительно принялась превращать их краюхи – в тонкие длинные ломти. Вид имела хмурый. Из чего Билл сделал вывод, что кузены, и их «ненавязчивый» юмор, не вызывают у неё особых

симпатий.

Нарезанные куски сложили не в кожаный мешок, как раньше, а в холщёвый. Который разместили сверху основного груза запасной лошади – как раз под солнцем.

Плоская поверхность прерии ненавязчиво сменилась низкими холмами, поросшими всё той же пожухлой травкой: они забрались в начало предгорий.

Ближе к полудню Билл, иногда как бы невзначай оглядывавшийся, заметил наконец то, что искал: блеснуло ещё раз. Всё так же, на расстоянии более двух миль.

Поэтому, едва они преодолели небольшой увал, похожий даже на маленькую песчаную дюну, он, не сказав ни слова, забрал сильно влево. А затем – ещё левей.

– Мы... Сбились с курса? – напряжённости в голосе Этьена не заметила бы только крохотная серая ящерка, поспешившая убежать, смешно извивая тельце, и оставив после себя волнообразный еле заметный след на песке.

– Нет.

Билл не стал ничего больше объяснять, но Этьен с Майклом, переглянувшись, решили не уточнять, что произошло. Тем более, что понимали, что Билл теперь не меньше их заинтересован добыть чёртовы сокровища.

По небольшой ложбине маленькая кавалькада добралась, вернувшись назад, параллельно своему курсу, до ещё одного холмика, густо поросшего колючими кустами.

Билл указал на ложбину в ста шагах от холма:

– Думаю, наших лошадей лучше пока спрятать там. И там же лучше оставить нашу даму. А чтоб ей и лошадям не пришли в голову какие-нибудь дурацкие мысли, типа, заржать в самый неподходящий момент, или завизжать, нужно, чтоб один из вас присмотрел за ними.

– Мы поняли вашу мысль, уважаемый Билл. Но... Вы что-то конкретно увидели?

– Разумеется. У одного из идиотов, преследующих нас, не выдерживают нервы. И он посматривает вперёд: в подзорную трубу. Так что нам повезло, что у всех нас отличное зрение. И мы себя так не демаскируем. Впрочем, следы оставлять так и так приходится.

– О! Вот оно как... Что ж. Теперь всё понятно. Пожалуй, – Майкл переглядывается с Этьеном, тот плотоядно облизываясь, кивает, – будет лучше, если с вами пойдёт Этьен. Он из нас двоих... Более меткий стрелок.

С Этьеном Билл и идёт. Захватив, с разрешения Майкла, его винчестер. И коричневую «просоленную» шляпу: потому что обмотанная белыми бинтами голова Билла – отличный ориентир. А уж как будет выделяться на фоне неба, высовываясь из-за холма!..

Ползком они с Этьеном забираются на гребень обросшего кустами барханчика – в предгорьях в таких удобных складках местности недостатка нет. А до гор...

Ещё день пути.

Говорить Биллу с напарником нужды нет, и они всматриваются в дорогу, где только что проехали, и где по песку вызываются отпечатками копыт их предательские следы.

Не проходит и десяти минут, как преследователи показываются: медленно едущая кавалькада из семи всадников. Также имеющих в поводу вьючных лошадей: целых три.

Передний всадник ориентируется на спину идущего перед ними человека. Этот человек обнажён по пояс, и одет в мокасины и блёкло-серые кожаные штаны с бахромой. Торс и лицо – кроваво-красные.

Индеец. Следопыт. Из чинуков. Сосредоточенно-напряжённый. Но, по виду, пристрастившийся к «огненной воде». Жаль. У индейцев эта страсть неизлечима...

Что же до отребья, движущегося за ним, то как говорится, комментарии излишни: рожи – почти как у головорезов Рамиреса, широкополые шляпы, полное вооружение в виде кольтов в кобурах на поясе, и винчестеров за спиной.

Поскольку цель головорезов сомнений не вызывает, Билл пальцем манит к себе Этьена. Говорит в приблизившееся ухо:

– Как только доедут вон до того сухого куста. Ближе подпускать не надо. Мои – те четверо, что едут сзади.

Этьен кивает, но опять ничего не говорит: всё понятно и так!

С расстояния двадцати шагов промахнуться из ружья очень трудно.

Всё оказалось закончено буквально за две секунды: именно столько у Билла ушло на трёхкратное передёргивание затвора винтовки.

Этьен справился даже раньше, причём первым застрелил индейца. Похоже, не любит белый мужчина краснокожих. Расист, что ли? Или просто – неприятные воспоминания о чём-нибудь детском?..

Попадавшие с лошадей мужчины ведут себя по-разному. Одни просто молчат, явно умерев, другие – стонут. Билл, подойдя к упавшим, не без удовольствия отмечает, что стрелок из Этьена действительно отменный: все его пули вошли по центру груди. Или живота. Раны смертельны. А ещё Билл радуется, что ничто и никто не предупредил всадников: справился, значит, Майкл со своей задачей – предотвратить провокации со стороны Линды.

Этьен, подошедший следом, спрашивает только одно:

– Мы воспользуемся их лошадьми? Запас еды и дров ещё никому не мешал!

– Да, разумеется. Но вначале есть у нас дельце...

Билл подходит к головорезу, ехавшему в голове отряда. Раненному в низ живота. И сейчас глядящему на них налившимся кровью ненавидящим взглядом: второй закрыт огромным синяком. Приходится мгновенно отпрыгнуть в сторону, нога отдаётся дикой болью: сволочь смог метнуть в него нож! Но Билла так просто с толку не собьёшь: со злости добивать мужика он не собирается. Во всяком случае, не допросив.

Опустившись на колени возле лежащего теперь на спине, и с хрипом дышащего головореза, Билл достаёт и свой нож:

– Будешь отвечать сам? Или мне подправить твою ногу?

В ответ летят дикие проклятья и ужасные ругательства на испанском. Плюс брызги слюны: а экзальтированный тип ему попался! Но Билл по глазам видит, что матершиник понимает и по английски: глаза при виде ножа сузились.

– Вас послал Толстяк Мозэс?

Снова водопад мата и проклятий.

Билл вонзает нож в ляжку дёрнувшегося и заоравшего благим матом бандита, и проворачивает. Выдёргивает. Когда стихает дикий вой и на глаза раненного наворачиваются слёзы, Билл нарочито нейтральным тоном говорит:

– Повторяю вопрос: вас послал Толстяк Мозэс? – нож готов вонзиться во вторую ляжку.

На этот раз бандит решил попытаться отмолчаться, только свирепо, с присвистом, сопя. Билл пожимает плечами:

– Собственно, твой ответ – чистая формальность. Но всё же... Дело принципа!

Дыра во второй ляжке получается ещё побольше, чем в первой. Кровь хлещет рекой, бандит извивается, хрипит, приглушённо воеет, прижатый за горло могучей рукой Билла: Билла громкие крики нервируют.

Но на этот раз в полузадушенных воплях и криках появляется и отчаяние, и страх. Бандит понял, что, похоже, Билл вовсе не собирается вести себя с ним «по-джентльменски»!

Билл ослабляет нажим на горло:

– Третий раз – воткну в пах. Умрёшь не как мужчина, а как с...ный кастрат!

– Нет!!! Нет... Не надо... Я скажу. Да, это Толстый Мозэс! Он нанял нас.

– И какие же задачи он вам поставил?

– Напасть на вас на третью ночь! Когда вы отъедете подалее. И расслабитесь. Потом, это... Отобрать карту. Женщину оставить в живых. Всё привезти назад, Мозэсу.

– Интересно. А не было у Мозэса мысли, что заполучив карту, вы попыгаете послать его куда подалее, и самим поехать за кладом?

– Была! Была... Но он сказал, чтоб мы даже и не пытались. У него рядом, в Мексике – банда из ста головорезов. И тут везде – свои люди. И он достанет нас из-под земли!

– Хм-м... Похоже на Мозэса. И у меня нет причин ему не верить. Да и никогда он не начинает никаких дел, не прикрыв себе тылы. И не спрятав туза в рукаве. – и, обернувшись к Этьену, – Теперь понятно, что возвращаться назад этой же дорогой, через те же места, нам нельзя?

Этьен кивает. Он бледен – словно это ему в ляжки Билл вонзал нож. Ничего: поживёт здесь, в их диких и прокалённых солнцем местах годков сорок – привыкнет.

К их нравам. Их незатейливым и жестоким нравам.

– Хорошо. Считаю, я тебе поверил. – Билл, отпустив горло бандита, обеими ослабевшими руками пытавшегося ото-

рвать клешню Билла от своего горла, встаёт. Бандит спрашивает:

– Убьёшь меня?

– Нет. Ты сам умрёшь. – Билл обводит неторопливым взором горизонт, – Часов через пять. В страшных мучениях. От заражения крови. – Билл отлично представляет себе смерть от жажды под палящим солнцем, и со страшными ранами в ногах и животе...

– Тогда... – похоже, бандит и сам всё прекрасно понимает, и, сглотнув вязкую густую слюну, просит, – Последняя просьба, амиго. Застрели меня!

– Без проблем. Молиться будешь?

– Буду! Буду...

Молится бандит по испански. Билл отмечает истовость тона: похоже, и правда верит, что «Санта Мария» заберёт его в Царствие Небесное...

Когда он наконец замолкает, и глазами даёт Биллу понять, что готов, Билл кивает. Стреляет. Точно в центр лба. Тело, расслабившись, словно растекается по песку...

Через минуту Билл и Этьен уже занимаются оставшимися стоять возле своих почивших хозяев, лошадьми.

Отбирают тех, у которых побольше мешков: еда и дрова. Вот и всё. Можно спокойно ехать дальше.

– Ну, как прошло? – Майкл хмурит брови.

– Нормально. – Этьен кивает, – Должны были убить нас

на третью ночь. Давая нам расслабиться и утратить бдительность. И отъехать подальше.

– А как же они отслеживали нас?

– Так днём не нужно было быть индейцем, чтоб находить следы от пяти лошадей! Впрочем, индеец с ними тоже был.

3. Похищение

– И вы их – всех?! – это влезает пышущая негодованием покрасневшая Линда.

– Да. – Билл не желает развивать эту тему подробно.

– Зато забрали трёх вьючных. – Этьен кивает через плечо, на нагруженных гнедых и вороных коней с торчащим из кобуры одного из седел винчестером, – Забрали на всякий случай одно ружьё, и все патроны, какие нашли. Бурдюки с водой. А насчёт еды... Буду спорить, еды Мозэс дал им уж побольше, чем нам!

– Спорить не буду. И так всё ясно. – Майкл пожимает плечами, – Поехали?

– Поехали.

Теперь у них у каждого в поводу идёт лошадь с поклажей.

Билл, вернувший шляпу законному владельцу, начинает жалеть, что не забрал кроме патронов и головной убор у кого-нибудь из бандитов: голову печёт, вроде, даже сильнее, чем когда он был без бинтов. Хотя, казалось бы, они – белые, и должны отражать свет солнца лучше, чем загорелая кожа...

К вечеру отъехали от места «разборок» миль на тридцать. Вокруг уже – каменистые пустоши, и иногда даже по дну долин струятся тощенькие ручейки, берущие начало явно где-то в верховьях гор, и в таких местах даже видна зелёная трава.

Билл прикидывает, что возле такого оазиса можно бы и заночевать: заодно и коням нашлось бы чего пожевать. Холмы теперь такие, что можно быть уверенными, что никто их кавалькаду, едущую по низу, по подобию долин или ущелий, не высмотрит. Билл сознательно выбирает путь по осыпям и каменным обломкам, и ручьям: тут даже лучшие следопыты не отследят.

Теперь они едут в тени: склон высокого увала загораживает от них садящееся солнце. Заметив довольно ровный участок каменистого плато, обильно покрытого щетинистой пожухлой травой, Билл говорит:

– Темнеет. Предлагаю разбить лагерь здесь. Площадка ровная. Спать будет удобно.

Возражать никто не стал.

Спальники и прочее барахлишко разгружают быстро. Куда больше времени уходит, чтоб напоить лошадей: их теперь восемь, а ведро, в которое Этьен сливает воду из бурдюков – одно. Но костёр Билл всё равно разводить запрещает:

– Пусть и не видно. Но – запах. А индейские воины, те, что поопытней, могут учуять дым чуть ли не с пяти миль. А при попутном ветре – и с десяти!

– Вам лучше знать, Билл. И поскольку нам лишние приключения не нужны, поедим, что Бог послал. А вернее – поищем, чем там снабдил своих наёмничков наш любимый Мозэс.

Наёмничков Мозэс снабдил неплохо.

Тут оказались и маисовые лепёшки, сохраняющиеся свежими добрых две недели, и сухофрукты – такие хорошо жевать, когда мучит жажда, да и полезны они – от цинги. Нашлось и виски. И копчёный окорок. Имелись в притороченных на спинах лошадей мешках и запасы дров, и, конечно, продубевшее на солнце до твёрдости доски, вяленое мясо.

– Билл. А что вы сделали с остальными лошадьми?

– Поздновато ты, дорогая, спохватилась побеспокоиться об их судьбе. Впрочем, эта трогательная забота о братьях наших меньших, пусть и спустя шесть часов, всё равно делает тебе честь. Ну а лошадей мы распрягли. И отпустили. Пусть себе бегают по прериям. И дичают. Они-то себе прокорм и ручьи найдут.

Поджавшая губы Линда делает вид, что сердится. Но ногу Билла перебинтовывает старательно. Как и голову. Говорит:

– Царапину на твоём лысом черепе, если честно, можно уже не бинтовать. Она поджила. А вот дырка в ляжке ещё кровоточит. Так что придётся тебе сегодня выпить ещё моего порошка.

– С чего бы это? – Билла невольно передёргивает, – Он на вкус – чистая хина!

– Болван. Это хина и есть.

– А-а. Ну тогда – давай. Лучше натошак принять эту дрянь, а потом – заесть и запить. Всё не так мерзко будет в горле.

– Ты про своё горло хоть мне не ври. Лужёная у тебя глотка!

– Ну, не без этого. Работа такая.

– Кстати, Билл. О работе. – к ним подходит Майкл с мешками продуктов от Мозэса, – Вот, хотел спросить. Нам ещё долго ехать?

– Точно сказать не могу. Карта – примитивная, – Билл легко восстанавливает в своей фотографической памяти чёртову карту, – Масштаба никакого нет, всё схематично... Но если прикинуть, что мы проехали уже где-то треть маршрута, то ещё минимум три-четыре дня. Но тут, в ущельях и долинах, придётся объезжать много камней и завалов. Переваливать через увалы и гряды. Это задержит. А если учесть, что на обратном пути нас будет ожидать «тёплый» приём, «возвращаться» придётся тоже вон туда, – он машет рукой вперёд, туда, куда они и направляются.

– А там – что?

– А там – другой штат. И другой шериф. И другой Мозэс. И налоговая инспекция.

– Хм-м... Перспективка... А, может, нам этого Мозэса просто пристрелить, как вернёмся? Тогда можно будет и вернуться.

– Не думаю, что это – выход. Ведь насчёт сотни головорезов на границе он вряд ли солгал! Как и насчёт стукачей и агентов в других городишках и посёлках.

В любом случае жить спокойно не дадут! Особенно, если признают, что мы вернулись... Не пустые!

– Понятно. Но давайте всё же подумаем об этом потом. А вначале – дело.

– Точно. Этьен. Хватит их стреноживать – никуда они отсюда уже не убегут. Пошли ужинать.

Ужин, благодаря «разносолам» от Мозеса, получился и обильней и разнообразней, чем прошлый. Даже Линда, отваливаясь от импровизированного стола, который Майкл организовал из застиранной простыни, заменявшей им скатерть, не удержалась: рыгнула. Впрочем, мило потупившись, и прикрыв чинно ротик – ладошкой.

Билл, не сдерживаемый приличиями, рыгнул в ответ куда раскатистой.

Этьен и Майкл переглянулись.

Майкл сказал:

– А неплохо, чтоб мне провалиться. Но если впереди – ещё минимум пять-шесть дней пути, мы вряд ли успеем прикончить припасы бандитов. И добраться до своих.

– Да и ладно. Солонина не портится, а хлеб у нас теперь в виде сухарей.

– Точно. Ну что, по кустам, и – укладываться?

– Пожалуй. А то сегодня мы что-то припустили во все лопатки. Наверное, пытались инстинктивно уйти от преследования.

– Нет, Этьен. Мы ехали так, как позволяет ход лошадей. Такой, чтоб они не устали, и не сдохли раньше времени от перенапряжения и жажды. Потому что пеший человек из этой дыры никогда не выберется. Но сейчас, когда горы рядом, и есть даже ручьи, можно о запасах воды и для них и для нас не беспокоиться.

– Прекрасно. Ну что? Леди желает сказку на ночь? Или, может, нужно рядом тёплое мужское тело, чтоб не замёрзнуть? Или наша дама так заснёт? – недвусмысленные взгляды, которые Этьен бросает на Линду, ту несколько не смущают:

– Оставьте свои «тёплые» мужские тела себе! А у меня работа такая, что меня от них иногда подташнивать начинает!

На это Этьен не находит, что возразить, и все располагаются на своих спальных мешках, пока даже не забираясь внутрь. Майкл говорит:

– Как считаете, Билл? Сегодня – нужно сторожить?

– Думаю, нужно. Собственно, пока мы на индейской территории, сторожить так и так придётся всё время! Они ведь – всегда настороже. Охраняют свои земли. И эти дикари нашего белого брата, мягко говоря, не любят. И основания для этого у них есть.

– То есть, первопоселенцы и войска – их – того?

– И не только «того». Здесь местные поселенцы, бандиты, и войска не стеснялись в средствах: подбрасывали и вещи от больных оспой, и спаивали, и обманывали, и отстреливали, словно волков. И женщин воровали... Когда ещё не было заведений, типа того, что у Мозеса. Так что, думаю, хоть костра мы и не разводили, но опасаться надо: сторожевые пикеты индейцы повыставляют на границах своих владений не забудут!

– Понятно, Билл. Тогда моя вахта – снова первая. Затем – Вы. И последним сегодня – Этьен.

Возражений не нашлось, и вскоре Билл слышал могучий храп от одного из кузенов, и вздохи от второго. Но вот Этьен повернулся на бок, и стало тихо. Почти. Только стрекотали вездесущие цикады, и чуть подвывал ветер в ущелье...

Под эти умиротворяющие звуки, и успокаивающего вида настороженно сидящего возле груды мешков Майкла, Билл и уснул.

Проснулся от ощущения беды.

И точно: вон, через гребень увала, в сотне шагов от их лагеря, перебегают, пригибаясь, пять бесшумно движущихся удаляющихся фигур, две из них что-то тащат – похожее на мешок! Живой!!! Извивающийся.

Впрочем, Билл не обольщался, что такого «особо ценного» у них можно украсть!

Поняв, что чёртовы индейцы покинули их лощину, и воз-

вращаться не собираются, он встал, и быстро подошёл к Майклу. Всё верно.

Заснул на своём посту, положив и спину и голову на мешки, уставший и прожарившийся за день старший кузен. А ещё бы – с непривычки-то. Здесь вам не город.

Билл прикрыл горе-часовому рот рукой, чтоб не зашумел спросонья. Прошипел в ухо:

– Майкл! Майкл! Просыпайтесь! Это я, Билл.

Майкл, дёрнувшись, и попробовав сесть и заорать, выпучил глаза. Хоть видно в свете звёзд и народившегося тоненького серпа месяца было плохо, Билла он всё же разглядел. Кивнул: можно рот отпустить! Билл тоже кивнул. Отпустил. Сказал шёпотом:

– У нас украли Линду.

– Кто?! Как?! Зачем?! – по глазам Майкла было видно, что он... Сильно удивлён. Если назвать это состояние столь слабыми словами. Но отвечать шёпотом не забыл.

– Индейцы. Пока вы спали, они подкрались. Зажали ей рот, связали. И унесли – я как раз проснулся, и заметил, как они скрываются вон за тем гребнем! – Билл махнул рукой, – Но никого из нас, и ничего из нашего барахла не тронули: иначе мы услышали бы, или почували. Ну а Линда сама захотела спать вон там: по её словам подальше от «тёплых мужских тел»!

Вот только насчёт того, зачем украли, и почему нас всё-таки не убили, у меня есть сомнения.

– В смысле – сомнения?!

– Ну, они могли специально оставить нас в живых, чтоб нас мучили угрызения совести – когда нам потом подбросят её изувеченный и изнасилованный труп! И мы бы рассказали об этом и остальным белым, когда вернёмся к ним! Чтоб те не совались сюда!

– И – что? Только для этого и украли?! Ну тогда они про считались. Не стану я по обычной шлюхе плакать и сожалеть! И уж тем более – терзаться угрызениями.

– Ладно, Майкл, я просто пошутил насчёт совести. – Билл, видя, что Майкл просто не поверил ему, поспешил предложить другой вариант, – На самом деле им нужна не она. А информация о том, что мы на самом деле здесь делаем. И они будут её изощрённо пытаться, пока она всё не расскажет. И они выбьют из неё и тот факт, что у нас – карта!

И уж потом от нас не отстанут! И убьют – наверняка!

– Но почему?!

– Этот чёртов клад... Как бы объяснить... Имеет для аборигенов сакральное значение! Он занимает огромное место в их системе верований. То есть он – часть их системы мировоззрения! И посторонние не должны его ни обнаружить, ни, тем более, забрать!

– Так, получается...

– Так получается, для нас жизненно важно Линду вернуть, а индейцев – перебить! Чтоб не лезли в наши дела! И не мешали.

– И как мы это сделаем?

– А очень просто. Сейчас разбудим Этьена. Разгрузим трёх лошадей от излишнего барахла. Возьмём *все* наши ружья. И патронов к ним, и револьверам. И двинемся.

– Догонять, стало быть, не будем?

– Нет. Будем тихо и мирно преследовать. По следам. Не попадаясь им по возможности на глаза. У нас преимущество: я захватил подзорную трубу наёмника Мозеса.

Этьен, когда ему рассказали о произошедшем, посмотрел на Майкла весьма свирепо:

– Не ожидал от тебя такого, братишка!

– Ха! – видно было, что и Майкл сконфужен, – Я и сам от себя такого не ожидал!

– Билл! А не лучше ли нам попытаться просто... Догнать этих индейцев?

– Нет, Этьен. Не лучше. Если они заметят, что мы их преследуем, могут просто пристрелить или прирезать Линду. Конечно, тогда она уж точно не расскажет им ничего, но! Кто тогда будет меня перевязывать? И поить горькой гадостью?

А самое главное – нас они даже и ничего не узнав, могут пристрелить в одну из следующих ночей. Просто для подстраховки: мало ли!

Лицо Этьена слегка вытянулось, конечно, когда он услышал о возможной судьбе Линды. Но он быстро взял себя в руки:

– Вам, уважаемый Билл, конечно, виднее. Вы тут всех и всё знаете.

– Да. Поэтому нам придётся взять это мерзкое дело в свои руки. И уничтожить тех из краснокожих, кто ещё остался в живых в их стойбище. Прямо всё их поселение. Не думаю, что наше Правительство это сильно расстроит. Да и фермеры нам спасибо скажут.

А сейчас давайте-ка собираться.

С собой действительно взяли только трёх освобождённых от поклажи лошадей – своих, привыкших к хозяевам. Остальное барахло, и стреноженных животных оставили прямо на месте – в лощине. Налив им на прощанье побольше воды в кожаное ведро.

Билл, идущий впереди, и всматривающийся в камни и землю перед собой, довольно легко находил следы передвижения петлявших, очевидно, как раз для «заметания» следов, «могучих охотников» – что бы они там о себе не воображали, абсолютно бесследно по такой местности, да ещё с тяжёлой и брыкающейся поклажей, не пройти! Вон: клочок юбки на кусте. Сломанный куст. А тут – капля крови... Да и то, как индейцы выследили их, Билл понимал прекрасно: весь вечер ветер дул от их лагеря – вон туда. В том направлении. А запах от пота прожарившихся за день лошадей, да и просто – белых людей, разносится далеко даже и без всякого костра. Так что пикеты, расставленные на границах, проблем

с обнаружением бледнолицых явно не испытали...

Вот этого общего направления он и старался придерживаться.

К рассвету добрались до места, откуда уже трепещущие ноздри Билла уловили запах дыма. Значит, недалеко до стойбища.

По предложению Билла лошадей оставили тут же, в маленькой лощине с ручейком и травкой. Чтоб не выдали цоканьем копыт по щебню и земле.

Само стойбище обнаружилось, когда осторожно высунули головы из-за гребня очередного холма, примерно в полумиле от того места, где Билл учуял запах костра. Солнце к этому времени ещё не показалось из-за гор, но было уже вполне светло.

Часового, плящущегося не туда, откуда могла появиться опасность, а вниз, в лощину, Билл перед этим снял, подкравшись, метко брошенным с двадцати шагов ножом: с перерезанным горлом не больно-то подашь «сигнал»!

Размещалось стойбище в той самой лощине, куда, забыв про долг и всё на свете, пялился злополучный молодой мужчина – почти мальчик. Но «обустроена» лощина была куда комфортней – широкая, с текущим по ней ручейком, и отличным пастбищем. Девять вигвамов стояли по кругу, на самом ровном участке. Лошадей и собак, которые могли бы почуять приближение врагов, у индейцев, к счастью, не имелось. Зато имелись явно позаимствованные у белых – бара-

ны. В весьма большом количестве пасшился выше по долине. Как отметил себе не без удовлетворения Билл, пастухов при животных не имелось: да и зачем, если выхода из лощины в той стороне нет!

Но не вигвамы и бараны в первую очередь привлекли внимание троих охотников за сокровищами.

В центре стойбища, возле большого костра, стояли два врытых в землю толстых столба-бревна. Между ними, с привязанными к брёвнам верёвками широко распяленными ногами, головой вниз, со связанными за спиной руками, висела Линда.

Абсолютно обнажённая!

Если честно, смотрелась женщина потрясающе: ей было, чего показать...

Билл хмыкнул: конечно, с таким зрелищем забудешь и про обязанности часового, да и вообще – про всё на свете, кроме воспрывшего, так, что, наверное, звенело, молодого естества!

Индейцы, молодые и старики, их скво, и даже дети, расположились вокруг, явно в ожидании интересного зрелища: из самого большого вигвама как раз вышел огромный краснокожий мужчина, играющий мускулами на руках и загорелой спине – явно вождь собственной персоной. С огромным же, под стать, хлыстом в руке!

– Похоже, допрос перерос в решающую стадию.

– Билл! Как вы можете быть таким спокойным?! Ведь сей-

час они её!.. – шёпот Этьена доказывал, что он весьма неравнодушен к судьбе несчастной женщины.

– Мы выбрали самый удачный момент. Сейчас все – поглощены предстоящей пыткой. И нам остаётся только перестрелять всех мужчин! Их всего-то – двадцать три.

– Так это же – со стариками!

– Можете не сомневаться, Этьен: старики стреляют из луков и ружей ничуть не хуже молодых. И ножами пользуются. А смерть – ей всё равно, от чьей руки она придёт!

– Э-э... – вид у молодого человека был сконфуженный, – Хорошо. Я понял.

– Отлично. Вот и старайтесь. Не мазать. И не стрелять вдвоём – в одну цель. Поделим так: центр – Этьена, (Уж Билл видел, куда хочет всадить первую пулю распалившийся молодой человек!) те, кто слева – мои, справа – Майкла. Возражений нет? Отлично.

А начнём... хм-м...

Когда этот тип нанесёт первый удар. Очень удобный момент отсчёта!

Момент действительно оказался самым подходящим.

Дикий вопль, исторгшийся изо рта несчастной Линды, совпал с тремя выстрелами.

Трое индейцев, включая и вождя, упали лицом в пыль. Тут же последовал и второй залп. Упали ещё трое мужчин. Женщины завизжали, и кинулись по своим жилищам!

Жаль, в патронташе винчестера помещается всего пять патронов – после того, как упало наземь пятнадцать вскочивших было на ноги и заметавшихся индейцев, стрелять из их запасного ружья с гребня увала остался только Этьен. Билл же с Майклом кинулись со всех ног вниз по склону, оскользаясь на предательской мокрой от росы траве и обломках камней, и непрерывно стреляя из револьверов. Билл всё же промазал пару раз, да и Майкл тоже. А вот Этьена ничто не отвлекало, и стоял и стрелял он уверенно.

И к тому моменту, как Билл и Майкл вбежали в стойбище, в живых оставалось не более полудюжины мужчин! Скрывшихся тоже в вигвамах – ринулись за оружием!

Билл поступил просто: забегал, двигаясь по кругу, по очереди, в каждый тёмный огромный шалаш, стреляя во всех подозрительных! Майкл, заметив, что делает напарник, поступил так же, начав с другого конца стойбища.

К моменту, когда Билл расстрелял свой третий, позавтрачанный у банды головорезов Мозеса, кольт, они с Майклом встретились – у последнего вигвама. Туда вломились вдвоём. Билл застрелил последнего, весьма престарелого, воина, целящегося в него из старинного мушкета, а вот Майклу не повезло: его стрелой из лука достала пожилая скво, хищно оскалившаяся, когда стрела вонзилась в плечо белого: ну ни дать ни взять – злобная гиена!

Биллу пришлось во избежание дальнейших проблем уложить из колта и старуху.

После чего он принялся перезаряжать: патрон оказалась последним!

Однако к тому моменту, когда он закончил, послышались ещё выстрелы: похоже, Этьен уже перезарядил винчестер, и теперь спускался, держа стойбище сверху под полным контролем! Но после двух выстрелов всё стихло.

Билл вышел на свет. Уложил ещё одного подростка, почти мальчика, целившегося в него из лука из входного отверстия предпоследнего вигвама. Сожалений он никаких не испытывал: ведёшь себя как мужчина, или как взрослый воин – будь любезен: получи как воин!

Но вот к нему, остановившемуся у костра, присоединились и Майкл и Этьен.

– Я насчитал здесь двадцать семь убитых мужчин. Мальчика. И одну женщину.

– Когда ты только успевал считать, Майкл!

– Ты что – забыл? Мы же карточные профи! И обязаны следить за всем и за всеми! И ещё помнить, какие карты уже вышли!

– Тогда не забудь и ещё двух часовых: вон там и там! – Этьен гордо похлопал по дулу верного винчестера.

Билл намотал себе на ус источник основного дохода кузенов, но сказал другое:

– Мы можем поубивать сейчас всех детей мужского пола. И тогда нам, или другим белым, никто и никогда не будет мстить. И земля достанется нашим – вся! И жить здесь ста-

нет... Спокойно.

– Нет, Билл. – кузены опять переглянулись, Этьен покачал головой. Майкл продолжил, – Мы этого не сделаем. Мы обеспечили себе... Безопасный проезд по их территории, а больше нам ничего и не нужно! Нам... претит такая бойня!

Всё же они – тоже люди.

– Как хотите. Но... – Билл, имеющий твёрдое мнение, что хороший индеец – мёртвый индеец, постарался, чтоб разочарование не прорвалось в тон.

Его прервал возмущённый придушенный голос:

– Может, вы соблаговолите наконец снять меня отсюда?!

Билл отметил себе, что, похоже, женщину возмутило не то, что они спокойно смотрят на её обнажённое тело, и обсуждают свои дела. А – как раз то, что – не смотрят!

Ох, уж эти женские амбиции. И самомнение. И тщеславие. Но снять её оттуда действительно нужно. Иначе кровь прильёт к голове, и женщина может потерять сознание.

Когда Майкл с Этьеном отвязали ноги, Билл, державший торс женщины на руках, чтоб ослабить натяжение веревок, положил Линду прямо на траву. Женщина фыркнула:

– Вы – хамы ещё почище этих дикарей! Почему нельзя было начать стрелять до того, как меня ударили?! Больно было – просто ужас! У меня и сейчас ещё искры из глаз!

– Тебе, ласточка ты наша сердитая, было бы ещё больнее, если б Билл не выследил столь быстро логово этих гадов. И

мы не захватили с собой весь наш арсенал!

– А, кроме того, – Билл поспешил внести и свою долю в увещевания, – если б ты не сказала, чего они хотели, костёр подтащили бы тебе под головку. И тогда – прости-прощай прекрасная грива! И всё остальное. Такое симпатичное и сердитое. А вот мужчин они обычно начинают пытать как раз – с этого. То есть – пах над костром!

Линда побледнела. Похоже, поверила. Да и кто бы не поверил: они сами всё видели! А кое-кто – и прочувствовал! На себе...

Но вдруг до женщины словно снова дошло:

– Ох! Я же не... – она прикрылась руками, – Дайте мне какую-нибудь одежду!

– В-смысле – какую-нибудь? А где ваша? – Этьен хмурился.

– Они её... Сожгли!

Билл почесал в затылке. Потом нашёлся: зашёл в ближайший вигвам. Ткнул пальцем в нашедшуюся там заплаканную, но глядящую злобно, скво подходящего размера:

– Платье! Сними его!

Скво что-то сердито заорала, и кинулась на него, пытаясь вонзить в Билла нож. Билл просто отбросил женщину к стене, вернее – к шкурам на палках. Взял за ногу маленького ребёнка, девочку. Достал кольт, приложил к тельцу дуло. Девочка заревела.

– Платье. – он щёлкнул взведённым курком.

Скво, рыдая в голос, оглядываясь на лежащий на шкурах труп старика с луком в руках, и мужчины с копьём, и причитая на своём языке, быстро стянула платье.

Но если она думала, что Билл чего-то хочет от неё, она сильно ошиблась: Билл, взяв злобно брошенное ему в лицо платье, положил девочку на постель из шкур. И вышел.

– Примерьте.

Линда не придумала ничего умнее, чем сказать:

– Отвернитесь!

Майкл, покрасневший Этьен, и Билл переглянулись.

Билл заржал в голос. Майкл и Этьен присоединились.

Линда стукнула кулачком по земле:

– Скоты! Дикари! Хамы! У вас что – совсем совести нет?

Билл, отворачиваясь от женщины, усмехнулся:

– Здесь, в наших местах, это – непозволительная роскошь.

Кому знать, как ни тебе.

– Верно... Верно. Но всё равно...

Спасибо!

Если честно, я до последнего момента сомневалась, что вы за мной вообще придёте. – теперь в голосе звучали слёзы, – Думала, как ни в чём не бывало, поедете себе дальше. Ведь я для вас...

Никто!

– Да нет, что ты такое говоришь, любимая. Ты – почти член нашей семьи. Нашей маленькой стаи. Короче: ты наша женщина! А раз наша – мы тебя никому не отдадим.

Разве что за большие деньги.

– Сволочь ты, Билл. – судя по кряхтению, Линда втискивалась в платье.

– Ты это уже говорила. Придумай что-нибудь поновей. И пооригинальней.

4. Горы

– Вот уж не вижу нужды! Ты же не изменишься! Сволочью так и останешься до конца своих дней. – Линда явно крутилась, осматривая себя со всех сторон, – Ладно, можете повернуться.

Платье на женщине смотрелось неплохо – простой и практичный прямой фасон, почти мешок, отлично подчёркивал прелестные формы. Однако когда женщина попробовала сделать шаг, выяснилось, что шагать широко не получится: мешает подол.

– Проклятье. Как они сами-то ходят в таком узком мешке?!

– Сейчас мы эту проблему решим. – Билл подошёл ближе, и своим большим ножом сделал на платье два разреза по бокам: почти до пояса, – А ну-ка, попробуй теперь!

Линда вскинулась:

– Чего это ты сделал?! Оно же теперь ничего не прикрывает!

– Да нет. Перед и зад же – прикрывает! А против созерцания твоих прелестных стройных ножек лично я ничего не имею. Но я ещё хотел спросить: под мышками – не жмёт?

– Свинья! Углубить декольте я тебе не позволю! – Линда, отдёргнувшись от протянутой руки, только что не рычала. Билл руку опустил:

– Ладно. Так тоже неплохо. Идти сможешь? Или... больно? Тебя нести?

– Нет. Я сама. Я почти не пострадала, если не считать... – она поморщилась, переступив с ноги на ногу, – Они... Не изнасиловали меня.

Билл, невольно покосившийся на Этьена, констатировал, что тот явно вздохнул с облегчением. Билл сказал:

– Это отлично. И, раз так, помоги наконец Майклу. Надо бы перевязать его дыры.

Майкл, который до этого довольно долго препирался с Этьеном, и из руки которого Этьен наконец выдернул стрелу, обломив перед этим её наконечник, как раз завопил. Билл пожал плечами. Странные они, эти городские. Готовы ходить со стрелой в руке, только бы им не сделали ещё больнее, выдёргивая её из раны.

– А где я здесь возьму бинты?!

– Сейчас сделаем.

Билл, повернувшись, вошёл снова в знакомый вигвам. Сказал, обращаясь к той же женщине и протянув руку:

– Бинты.

Та оскалилась, зарычала, но, поглядев снова на дочку, что-то похожее на хлопчатобумажные полоски из какого-то тюка достала. Похоже, поняла что-то в этой жизни. Билл по-

думал невольно, что вот из кого получилась бы идеальная жена... Но промолчал. Взял бинты, буркнул «Спасибо!», и вышел.

Майкл к этому времени как раз закончил ругаться и шипеть. А Линда как раз закончила что-то жевать. Достала изо рта разжёванную обслюнявленную зелёную массу.

Наложила часть на входную, часть – на выходную дыру в плече Майкла.

– Это ещё что за жвачка?

– А это, Билл, походное дезинфицирующее средство. Разжёванный подорожник. Жутко, кстати, жёсткий. Я весь рот исколола!

– И откуда ты про это средство знаешь?

– Так всё оттуда же. От индейцев.

– А, ты жила и с ними?

– Нет. У меня мама с ними жила. Она была жена пастора. Который сдуру пытался по молодости и наивности принести этим дикарям «свет истинной веры».

– И – как?

– Как, как... Безрезультатно. Если не считать того, что его съели на третий день. А вот мать – оставили. И она прожила с племенем, пока не родилась я.

– Так ты – метиска?!

– Вот уж нет. Мать уже была беременна мной, когда отцу ударило в голову заняться проповедничеством. Ну а моя мать – куда ж она без мужа! Поехала вместе с ним.

Но семи месяцев «общения» с «детьми природы» матери хватило. Чтоб понять, что это – не для неё. Но – научиться выживать. На этой самой природе.

А вот когда я родилась, и индейцы перестали за ней следить, она и смогла...

Удрать!

– Замечательно. В-смысле, замечательно, что ты – белая. Чистокровная. И у тебя нет причин особо любить этих краснокожих.

– А вот это ты точно сказал.

Никаких!

– Так – что? Дать тебе пушку? Пойдёшь и перестреляешь остальных обидчиков, и наглых зрителей?

– Н-нет... Не хочется. Да и смысл? Женщины и дети нам добраться до сокровищ не помешают!

Билл отметил себе словечко «нам», но промолчал.

Назад возвращались в свете уже вставшего над горными хребтами солнца.

Линда ехала за спиной Этьена – его конь оказался самым здоровым и крепким, и свободно нёс двоих. Смотреть на то красневшее, то бледневшее лицо кузена, когда Линда прижималась к его спине тем, что сильно натягивало перед платья в декольте, было забавно. Но Билл ухмылки сдерживал. Как, впрочем, и Майкл – комментарии.

Дорогу теперь, когда запомнил все приметы, Билл нахо-

дил легко. И доехали они до своего лагеря в лощине куда быстрее – за час с небольшим. Предоставленные сами себе кони за это время, конечно, немного разбрелись, но не слишком далеко.

– Предлагаю, пока мы не стали собираться, позавтракать. И костёр теперь развести можно!

С предложением Билла согласились все. И вскоре костерок весело потрескивал, создавая почти домашний уют на их стоянке.

Поели быстро. И с аппетитом. «Нагуляли», как высказался Майкл.

Выехали из лагеря, по прикидкам Билла, ближе к полудню. Но всё равно успели до ужина проехать миль тридцать-тридцать пять. Потому что лощины оказались пока вполне проходимыми, и к подножью гор вывели кавалькаду ещё засветло. Билл хорошо помнил, что пунктирная линия идёт вдоль русла реки Туссон, собственно, и давшей название городку с баром Мозэса, но уж больно она сильно петляет, уводя в сторону, чтоб ехать непосредственно вдоль русла. К тому же к началу лета полностью пересыхающего...

А начала этой реки никто ещё не видал: где-то в горах.

Но им до истока и не надо. Им надо добраться до ущелья Старого Беркута. То есть – вверх по руслу, до второго левого ответвления.

Вот по нему, без труда обнаружив, они и проехали с пару миль, пока сумерки не вынудили остановиться.

– Сегодня снова дежурим. – по Майклу было видно, что он горит желанием оправдаться за вчерашний недогляд, – Первым – я!

– Нет. – Билл старался говорить поравнодушной, – Первой сегодня – Линда.

– Это почему ещё?! – возмущения в тоне не заметили бы только камни ущелья.

– А потому, солнце ты наше, что ты больше всех теперь заинтересована, чтоб мы все оставались целыми! И бдиль будешь не за совесть, а за – страх! – Билл не стал говорить, что ей больше нечего рассчитывать на помощь бандитов Мозеса. Ну а про то, что индейцев она теперь боится пуще чертей, можно и не упоминать.

– Я... Э-э... Хм. Пожалуй. Да и болит, если честно, так, что пока просто не уснуть!

– Хватит задвигать нам ерунду. Тебя ударили всего один раз.

– Да. Зато – какой!

– А вот если бы мы действительно не пришли за тобой, тебе и этот удар показался бы цветочками! Потому что потом, когда этот парень разработал бы руку, он и бил бы сильней! И мог дать и другому, или другим – помахать!

Линду передёрнуло:

– Ладно, довольно! Сказала же уже, что не усну!

– Хорошо. Тогда вторым – Этьен, третьим – я, а последним дежурит Майкл.

– Договорились. Ну, спокойных снов.

Билл, полёживая снова снаружи спальника, в одежде и сапогах, ковырял травинкой в зубах. Смотрел снова в звёздное небо. Думал.

Ну хорошо. От индейцев они отбились, банду наёмников положили всю. Что дальше? Ведь судя по карте, через пару дней они доберутся до чёртова места, обозначенного крестиком. В кружке. И – что?

Будет ли на месте – сокровище?

И что это будет за сокровище?

Собственно, эти мысли возникали у него и тогда, лет десять назад, когда ещё не потерял надежду найти клад и сам. Он тогда и так и так прикидывал, что же это за сокровища могут быть у диких индейцев, спрятанными ещё до прибытия белых колонизаторов, которые были бы, вот именно, сокровищами! Ведь это у белых слово «сокровища» традиционно ассоциируются с золотом, серебром, и драгоценными камнями. Ну а если там – просто какие-то, вот именно, тотемные фигурки?

Мумии? Скальпы поверженных врагов? Оружие древних вождей?

Каменные или деревянные идолы?

То есть – такой «клад» кладом является только для тех, кто его спрятал!

А такие «артефакты» ведь вывозить бессмысленно! Поскольку интересны они только книжным червям – учёным!

Из какого-нибудь музея. Специализирующегося на человеческой истории. И диких племенах. А простому человеку и на ... не нужны!

Э-э, ладно. Его задача – довести их маленькую экспедицию до места. Обозначенного крестиком. Вот только бы не стал этот крестик – крестом на их общей могиле!

С этой «оптимистичной» мыслью он и уснул.

Этьен растолкал его вскоре после полуночи: это Билл увидел по положению звёзд.

Но добросовестно сел на дежурство, подбросив пару кусков дерева в прогорающий костерок. Линда, на этот раз не выделявшаяся, положила свой спальник почти впритык к спальнику Этьена, но сейчас мирно спала, трогательно отклячив нижнюю губку, и держась обеими руками за свою промежность – похоже, и правда, болело там у неё, раз даже во сне... Не скоро, похоже, *сможет*... Билл пожал плечами: собственно говоря, «готовность» женщины к «этому делу» теперь – предмет беспокойства Этьена.

Тоненький серп народившегося месяца и звёзды освещали их долину неплохо. Особенно, когда глаза привыкли к темноте. Спереди и сзади не подкрасться незамеченными. Вот разве что – сверху, с вершин гор ущелья. Но чтоб быстро спуститься оттуда, нужно быть или кондором, или скалолазом. Ещё и с верёвками. Потому что пробраться по таким кручам без них, да ещё в кромешной тьме, сможет разве что

горный барс.

Два часа прошли быстро. За час до рассвета Билл растолкал мирно сопевшего Майкла:

– Мы поспим ещё пару часов, а потом – нужно завтракать. Да в путь. А то вчера проехали мало. Из-за приключений с дамой.

– Точно. – Майкл зевал так, что челюсти сводило, – Быстрей бы уж добраться!

Однако особо резво двигаться сегодня не очень получалось.

Несмотря на то, что позавтракали быстро, и двинулись в путь рано, ещё в утренней прохладе, ехали медленно: постоянно приходилось объезжать завалы из нападавших сверху камней, или даже слезать с коней, чтоб разобрать природные баррикады, и перевести коней через настоящие барьеры, пирамиды и валы. Майкл тихо ругался, пока Билл не запретил ему: во-первых – тут могут быть ещё индейцы, а во-вторых, и это главное – от эха может случиться новый камнепад.

Сегодня оказалось пасмурно, и ехали в приятной прохладе. На дне русла кое-где имелись даже лужи воды. Что позволило напоить лошадей, и наполнить подопустевшие бурдюки. Но мрачные стены ущелья словно давили им на плечи суровой перевозданной красотой. А вообще – тёмные громады серо-стальных, с сиреневым отливом, отвесных скал по обеим сторонам всё суживавшегося ущелья навевали уныние и

страх. По лицу Линды было заметно, что она не прочь бы сейчас оказаться снова в безопасном салуне, у Мозэса под крылышком. И то, что под ногами коней теперь струился, журча, крохотный ручеёк, нисколько поездку веселей не делало.

К ужину выехали к перекрёстку. Ну как перекрёстку: здесь встречались две реки. Сейчас почти пересохших. Билл сказал:

– Майкл. Достаньте, пожалуйста, вашу карту. Потому что кое-чего я в ней всё же не понял. Нужно определиться.

Майкл не заставил себя долго упрашивать. Подъехал снова к едущему впереди Биллу. Кони встали почти рядом, Билл развернул пергамент.

– Вот. Мы сейчас – здесь. Это и есть – ущелье Старого Беркута. Если верить карте, нам – направо. По нему же. Ещё мила три. Но потом... Дорога словно уходит от русла резко вбок, и – вверх: вот. Здесь извилистой стрелочкой показано: тропа! А я, когда здесь был, лет девять назад, ничего такого не видел! Никаких ответвлений. Никакой тропы! Да и сейчас... Темновато. Не проглядеть бы.

– Ну тогда давайте заночуем вон там, – Майкл указал рукой на весьма ровный островок каменной отмели, в том месте, где два русла встречались под острым углом, – и завтра с утра попробуем найти. Нас ведь никто не гонит: можем осмотреть всё подробно.

– Хорошая мысль. Тем более, дальше ущелье Старого

Беркута узкое, и вряд ли мы найдём там, где расположиться на ровном. А тут всё же – довольно широко. И удобно. Да и костёр теперь развести, думаю, снова можно.

– А как же индейцы?

– Если они тут где и остались, и даже учуют дым, незамеченными не подберутся. А из винчестеров мы уложим их куда быстрее, чем они нас – из луков.

– Хочется верить. Ну ладно. Давайте устраиваться. На ночлег.

Лежать на спальнике на камнях оказалось не столь удобно и мягко, как на песке или травке. Пусть и пожухлой. Билл ворочался, и вздыхал. Этот поход всё сильнее начинал ему не нравиться. И дело было не в ране в ноге – она уже почти не беспокоила.

Ощущения казались вовсе не теми, что вначале. И дело даже не в том, что они уже поубивали из-за чёртова клада кучу народу: и, пусть откровенных, головорезов Мозэса, и агрессивных похитителей-индейцев... Но вот накатывало на него сейчас словно волнами ощущение, что зря они туда едут! Подсознание? Или... Ещё кто-то – уже *извне*?!

Но мысль в голове вертелась самая простая и конкретная! Не будет им счастья от этого «клада»!

Но не скажешь же про свои «ощущения», мысли, и страхи тому же Майклу. Тот – рационалист. И только пожмёт плечами. А про себя подумает, что Билл превращается в старого

маразматика. На почве слишком долгого обитания в прериях и полупустынях.

Повздыхав, Билл повернулся на бок. Прикрыл глаза. Постарался расслабиться.

Однако почти сразу его кто-то тронул за плечо. Думая, что это Майкл, сдающий свою вахту, и что он всё же заснул, быстро и незаметно для самого себя, Билл повернулся.

Седой индеец, в традиционной одежде, но без положенного головного убора из перьев, и с развевающейся на лёгком ветерке гривой длинных редких волос склонился над ним. Билл вздрогнул: как это старику удалось незамеченным подобраться к их лагерю?! Неужели Майкл опять!..

Но приглядевшись повнимательней к морщинистому неподвижному лицу, Билл заметил кое-что такое, что у него волосы встали дыбом, и по спине пробежал холодок: сквозь лицо и плечи старика... Проглядывали звёзды!

– Напрасно вы едете в это место. Оно – проклято!

Билл проглотил липкий комок, стоявший в горле. Голос казался вполне материальным: скрипучий, хриплый, хотя и тихий. Слова тем не менее можно было прекрасно разобрать. Собравшись с мужеством, и справившись с не желавшим открываться ртом, Билл спросил:

– А что будет с нами, если мы всё же найдём его? И увидим этот... Клад?

– Если увидите – ничего. А если возьмёте хоть что-то от туда, хоть одну вещицу, на вас падёт проклятье Хроака.

– А кто такой этот Хроака? – Билл ёжился. Ему было реально жутко!

– Не «такой», а такие. Хроака – древний народ. Обитавший здесь ещё до нас. И вас. Вот они-то и спрятали здесь, в том месте, на которое указывает их карта, то, что считали священным. И чему поклонялись! И к чему прикасаться могли только их шаманы!

– А куда они делись сами?

– Этого никто не знает. Но старики поговаривали, что просто... Ушли!

– А если мы... Не будем ничего брать, а только поглядим на *это*?

– Тогда проклятье минует вас. И вы останетесь живы.

– Но как же мы... – Билл ещё не договорил, но понял, что ответа не будет. Суровый старик просто... Растаял в воздухе! А Билла начала трясти не только дрожь от ужаса, но и за плечо – чья-то рука!

Он разлепил оказавшиеся смеженными глаза: точно! Майкл. Пришлось снова открыть рот:

– Что? Уже пора?

– Нет. Но вы напугали меня, Билл. Вы стонали во сне. И разговаривали!

– Да-а? И... Что я сказал?

– Вы сказали... Ну что-то вроде: «Мы не будем ничего брать! Отстаньте!»

– Ах, вот как... Хм-м... Странно.

– Это был кошмар?

– Точно. Он самый. Так что спасибо, Майкл, что разбудили. Далеко там ещё до моей смены?

– Ну, судя по звёздам, полчаса.

– Тогда не вижу смысла пытаться уснуть снова. Ложитесь.

Я принимаю вахту.

– Вот уж спасибо. – Майкл не заставил себя долго упрашивать, и тут же завалился на мешок, лежавший с другого боку от мешка Линды. Та спала теперь, прижавшись животом к тёплой спине Этьена, чей мешок оказался уже придвинут вплотную к её.

Билл пожал плечами: пускай их. Здесь, в ущелье, и сыро и холодно. И тоскливо.

Ну, или это только ему так кажется?

Пока сидел, поглядывая то вокруг, то на угасающий костерок, куда время от времени подкладывал маленькое поленце, думал.

Неспроста, ох, неспроста он увидел этот сон. Или ему его показали.

Кто-то очень не хочет, чтоб они лапали своими «неизбранными» руками эти самые сокровища! Или, тем более – забрали их.

И этот кто-то – точно не человек!

Люди такие направленные и конкретные сновидения пока насыщать не умеют!

Поэтому интересно будет порасспросить, когда все встанут, кому что снилось!

Вдруг их сны совпадут?!

5. Пещера

Или у него просто... Разыгралось бурное воображение?

Которым он отродясь не страдал!..

Билл не обольщался на свой счёт: он – потомок суровых и негибаемых пионеров дикого Запада, если чем и отличающийся, так, вот именно, отнюдь не «тонкой и чувствительной» натурой, и мечтательностью. А вполне конкретным трудолюбием, терпением, и бешеным упорством. Которое злые языки называли ослиным упрямством: ведь любому здравомыслящему человеку ясно, что не вырастет никогда на песках, и без воды, никакая кукуруза или хлопчатник, и нет смысла селиться здесь, и уж тем более – строить дома!

Но пионеры нашли выход. И теперь ковбои гоняют по прериям и полупустыням отары овец. Со стрижки которых и продажи шерсти и мяса и живут фермеры.

Но сейчас ему лучше действительно успокоиться. Потому что завтра нужно найти чёртово ответвление, которое, как специально помечено на карте, ведёт куда-то вверх. Очевидно, на какую-то гору. Или одну из стен ущелья. Непонятно, правда, зачем – там одни скалы! Если верить памяти.

Ладно. Утро вечера мудренее.

Вот дождётся смены, и ляжет снова...

Посмотрим.

Разбудили его прямо на завтрак.

Все сидели вокруг импровизированного «стола», словно всегда именно так и сидели, и всё шло по раз и навсегда заведённому распорядку: «передайте мне, пожалуйста, вон тот кусок солонины», «да, конечно», «ещё лепёшку?», «нет, благодарю!». Билл невольно подумал, что они вполне могли бы организовать какую-нибудь общину, наподобии мормонской. Или ещё какой-нибудь по принципу единомыслия: интересы у них общие. Пока.

– Нам повезло, что Мозэс не поспешил. Продукты расходуются куда медленнее, чем мы думали. Так что давайте-ка, ешьте лепёшки, пока их ещё можно угрызть! – Этьен, занимавшийся их текущими запасами, выложил ещё маисовых лепёшек на скатерть.

Билл, как и остальные, ел лепёшки, вяленое мясо, сухофрукты и всё остальное, запивая вскипяченной водой. Которую просто зачерпывал кружкой из их маленького прокопчённого котелка. Линда сегодня не заикалась о том, что у неё всё болит.

Значит, не болит.

Или чем-то другим озабочена: брови постоянно хмурит. Поэтому, закончив завтрак, Билл начал первым:

– Мне сегодня кое-что приснилось. И я хочу об этом рассказать. Потому что это может оказаться и плодом моего воображения, но может... Быть и предупреждением!

– А-а, это вы, Билл, о своём кошмаре?

– Да, Майкл. Не совсем он, конечно, был кошмаром. Потому что в отличии от обычных снов я всё отлично помню! Но вот как было дело...

Пока Билл рассказывал, Линда продолжала хмуриться, и кусала губы, Этьен чесал в затылке, а Майкл играл желваками на скулах. Из чего Билл сделал вывод, что не кажется его спутникам бредом его рассказ.

– И я посчитал необходимым рассказать вам об этом. Потому что кошмар там, или предупреждение, но брать эти сокровища мне лично как-то... Уже не очень хочется!

– Согласна. Мне, кстати, индеец не снился. А снилось то самое место, куда мы должны попасть, чтоб увидеть сокровища! Это – огромная и тёмная пещера. С чудовищными и страшными ледяными сосульками, свисающими сверху: словно мы – в пасти у какого-нибудь громадного чудовища! И очень каменистым и неровным дном. И нет там никаких сокровищ. Ну, в том смысле, как мы это слово понимаем. Вместо них там было в глубине пещеры что-то вроде алтаря. Такого, на котором совершают жертвоприношения. И весь он был в потёках чего-то застывшего и коричневого – как вспомню, мороз по коже! Не иначе – кровь! А на алтаре лежала женщина. Я, было, подумала, что индианка – загорелая и черноволосая. Но когда подошла – оказалось, что это – я сама!

И я была распята за руки и за ноги! Верёвками. Привя-

занным к вмурованным в алтарь кольцам. Очень толстым... И так странно было смотреть на саму себя со стороны! И страшно – я будто чуяла, что из темноты, из дальнего угла пещеры, кто-то злобный и сильный, подходит! И сейчас вонзится мне (Ну, той, которая лежала передо мной!) в сердце здоровенный, почему-то – каменный, нож!

Но тут я проснулась... – Линду передёрнуло, – И потом долго не могла заснуть. Только когда прижалась к тёплой спине Этьена, смогла более-менее забыться...

Этьен ободряюще улыбнулся Линде:

– Рад, что удалось помочь хоть таким способом. Но это ещё не самое страшное, Линда. Ведь вас – ну, ту вас, которая смотрела сон! – не тронули. Мне вот снилось, что нас всех поймали. И – не индейцы, а какие-то абсолютно чёрные люди. Здоровенные – под семь-восемь футов ростом! И такие мускулистые – прямо как циркачи какие, из этих, ярмарочных силачей... И связали по рукам и ногам. А потом... Нас подвесили головами вниз, над каким-то жёлобом, выдолбленным в камне. И ножами сделали надрезы на шее. Кровь текла по лицу, заливала глаза, приходилось часто моргать, но всё равно я видел... Видел, постепенно теряя сознание, как уходит, струится по этому жёлобу куда-то наша кровь... И уходит жизнь...

И я где-то глубоко внутри знал, что сейчас из нашей крови наделают каких-то... Украшений, что ли! Или драгоценных камней. Не знаю. Чего-то магического. Важного! И я там, во

сне, понимал, что вокруг происходит что-то злое. Колдовское! Какой-то тёмный ритуал! И мы – жертвы! И с нашей помощью эти гады хотят навредить, напакостить всем, кто сейчас здесь живёт! Белым!

А нас самих, потом, когда выйдет из наших тел вся кровь, превратят во что-то... Гадкое! Мерзкое! Хищное! И чтоб мы охраняли что-то. Возможно – эти самые сокровища.

Мне тогда казалось, что – в пауков! Гигантских!

Майкл, поняв, что все взоры теперь устремлены на него, криво усмехнулся. Пожал плечами:

– Не смотрите на меня так! Мне... Ничего не снилось! Может, я какой-то особо чёрствый, или просто спать очень сильно хотел. А если чего и снилось, так я не запомнил! Ну, вот, разве что – что летал... Как в далёком детстве.

– Понятно. – Билл пожал плечами, – Но я всё равно хочу вас всех спросить: мы поедем дальше? Попытаемся всё же найти этот чёртов клад? Или...

– Никаких «или»! – тон Майкла был категоричен, – Мы поедем. И найдём!

– Хорошо. Но я хочу, чтоб вы знали, Майкл. Я от своей доли клада отказываюсь. В пользу Линды. Пусть она, если хочет, заберёт её за меня.

– Хм-м... – Майкл нахмурился. Снова переглянулся с кузеном, – Не хотим спорить. Это – ваше решение, Билл. Вы, конечно, можете положенную вам долю клада и не брать, а просто... Вот именно, передать ваши права на неё – Линде.

Но мы от своего не откажемся! Нас не... э-э... Впечатляют кошмары и «предупреждения»! Линда? Возьмёте долю Билла?

Линда довольно долго молчала, лицо было бледным. Но всё же сказала:

– Возьму! Возьму, чтоб мне лопнуть!

Уж больно тоскливо и беспросветно в рабстве у Мозэса! А тут...

Хоть надежда.

На самостоятельную, и обеспеченную жизнь!

До указанного на карте места добрались буквально через полчаса.

Билл, внимательно осматривавший стены ущелья, и думавший, что мог, конечно, чего и пропустить, поскольку в прошлый раз ехал как раз с противоположной стороны ущелья, первым заметил её. Неширокую трещину в скале, заполненную по дну обломками и камнями. На которые сверху кто-то, явно люди, насыпал более мелкого гравия: наверняка, чтоб ходить было удобней. Ну правильно: по такой тропе вполне можно и проехать и на лошади! Вот только удастся ли развернуть эту самую лошадь, если вдруг возникнет срочная необходимость: ширина прохода едва достигала двух-трёх футов. А там, вверху, похоже, была и поуже.

Но сама трещина оказалась так хорошо скрыта за выступами окружающих скал, что вполне понятно было, почему

он её не заметил в первый раз. Впрочем, Майкл и остальные, даже когда подъехали практически вплотную, трещины не заметили. И Биллу пришлось спешиться и показать вход в узкое пространство.

– Чтоб мне лопнуть! Как вы её углядели, Билл?! – Майкл чесал в затылке, сдвинув шляпу вперёд, – Я и сейчас её... А, нет: вижу! Если смотреть вот отсюда! А здорово она была спрятана!

Мысль о том, что трещина может показываться не всем, а только тем, у кого нет жажды наживы, возникла, конечно, у Билла. Но он отогнал её, как явно мистическую и невероятную. Да и вообще: он стал замечать за собой странную склонность в вере в приметы, вещие сны, и всякую подобную чушь. Над которой раньше только посмеивался. Может, это – это место так на него влияет? Всё-таки есть здесь что-то... Странное!

Колдовское!

– Нам всё равно лучше лошадей оставить где-нибудь поблизости, прямо в ущелье. Потому что проход – узкий. И если вдруг захотим вернуться назад, не сможем даже развернуть в нём лошадей! А их у нас сейчас много.

– Согласен, Билл. И вовсе незачем их разгружать. Просто стреножим, и отпустим. Воды здесь достаточно. – Майкл указал на тоненький ручеёк, едва сочащийся по самому низкому месту каменистого дна ущелья, – И без травы они денёк как-нибудь протянут.

– А почему вы думаете, Майкл, что мы обернёмся за день?

– А потому, Линда, что судя по пунктиру на карте нам осталось всего миля или две!

– Похоже, что так. Впрочем... – Билл покачал головой, – Предлагаю на всякий случай взять с собой немного еды и воды. Запасёмся и несколькими палками из наших дров, которые сойдут за факелы. Возьмём и оружие. Да двинемся!

И – да поможет нам Бог!

Тропа, круто поднимавшаяся вверх, со всех сторон оказалась закрыта крутыми же и отвесными стенами. Только сверху было видно блёкло-голубое небо с бегущими по нему не то тучами, не то – толстыми облаками. Билл вздыхал про себя, и думал, что делают они всё это на свою голову, но если совсем уж честно, ему тоже было интересно взглянуть – что же эти самые Хроака считали таким важным. И священным!

Извилистое миниатюрное ущелье, казалось, давно должно было вывести их на самую вершину стены большого ущелья. Но путь всё не кончался, и Билл начинал думать, что не иначе, как эта тропа тоже – или заколдована, или на неё наложено что-то вроде заклятья: чтоб идущий по ней устал, и повернул назад, думая, что конца пути не будет...

Однако не успели они проголодаться, как обнаружился логичный конец тайного прохода: чёрное отверстие в рост человека, ведущее действительно в пещеру!

Майкл и Билл развели у входа небольшой костёр. От ко-

торого запалили три факела: Биллу, Майклу и Этьену. Линда от источника света отказалась:

– Нет. Я просто не буду отходить от вас далеко! Да и страшно тут отходить...

Билл подумал, что их спутница права: сейчас, в свете факелов, обнаружилось, что в скале прямо над входом имелось высеченное в камне изображение. Огромное, в человеческий рост, лицо того самого индейца, что являлся Биллу всего несколько часов назад!

Билл проглотил вязкую слюну. Сказал:

– Это – тот самый. Который являлся мне.

– Да-а? – Линда покачала головой, – Хм. Симпатичным не назовёшь.

– Ну, это смотря на чей вкус. – Этьен пытался бодриться, но предательская дрожь в голосе выдавала его подлинные чувства, – Может, индианкам он казался красавцем!

– Возможно. Но сейчас – пошли-ка внутрь. Факелов у нас, – Майкл похлопал себя по рюкзаку, куда они сложили наиболее ровные и сухие ветки из запасов дров, – не больше, чем на пару часов!

Проход, ведущий внутрь, шириной тоже не баловал: только-только протиснуться. И то – не очень толстому человеку: Билл невольно подумал, что уж Мозэс-то сюда точно не пролез бы! Майкл сказал:

– Нам повезло, что послушались вас, Билл. С лошадьми

бы мы тут не прошли!

На это замечание никто ничего не ответил, но Этьен засопел сильнее, а Линда перестала ощупывать стены лаза, и пристроилась за спиной Майкла, идущего вторым. Этьен на этот раз замыкал их маленькую цепочку. Лаз разнообразием не баловал, и они продолжали протискиваться мимо закопченных стен, под закопчённым потолком, наверняка выдавших в своё время очень много таких факелов, как у них. Стены имели явно природное происхождение. Во-всяком случае, не было заметно, чтоб кто-то пытался расширить лаз, или хотя бы сколоть наиболее выступавшие и мешавшие проходу острые выступы.

Минут через пять, показавшимися Биллу вечностью, поскольку он постоянно ожидал какого-нибудь коварного нападения, или других сюрпризов, они действительно выбрались в пещеру. Весьма обширную. И пустую. Ну, если не считать огромного числа сталактитов, действительно напоминавших зубы какого-нибудь чудища. Однако сталактиты оказались не сосульками, как во сне Линды, то есть – не из воды, а из какого-то белого камня. Известняка, что ли? Билл сказал:

– Смотрите под ноги. Пол действительно очень неровный, и тут могут быть обрывы. Не упадите. И спотыкаться тоже не советую: вон, какие острые камни и выросты внизу. Ладонь распороть – как нечего делать!

На это предложение тоже никто не отреагировал, из чего Билл сделал вывод, что всем – не до его предупреждений.

Потому что мысль о сокровищах сейчас поглотила полностью его спутников: вон, как вожделённо сопят. Они двинулись дальше – в конец пещеры, где имелось что-то вроде возвышения.

Однако когда добрались, очень осторожно переступая через камни, выступы и глубокие трещины, выяснилось, что это – всего-навсего возвышение пола. И – только начало путешествия. Вправо и вниз уходил высокий узкий тоннель, на стенах которого уже имелись следы доработки его какими-то не то кирками, не то – ломami. Впрочем, его потолок тоже оказался вполне закопчён – ходили тут, стало быть!

Билл, уже ничего не говоря, двинулся вниз: спуск был более пологим, чем подъём в том ущелье, по которому они только что...

Через ещё пять минут пришли в ещё одну пещеру. Тоже со сталактитами, уже сросшимися со сталагмитами, воздымавшимися из пола. Но в высоту и длину эта пещера казалась куда скромнее: всего-то шагов пятьдесят. Зато здесь у дальнего торца действительно имелось нечто вроде... Алтаря!

Почти квадратный камень, футов семи в длину, и шести – в ширину. Высотой по пояс. Его верхнюю площадку явно кто-то специально выравнивал: гладко. Словно отполировано. И, что самое пугающее, в четырёх углах оказались вмонтированы толстые, сейчас позеленевшие от времени, медные кольца: наверняка привязывать руки-ноги жертв!

Линда задышала часто-часто, схватившись за горло, и

Билл даже подумал на мгновение, что сейчас женщина потеряет сознание, и надо бы её...

Но Этьен словно прочёл его мысли: подхватил Линду за талию одной рукой, другой закинув её руку себе на плечи. Женщина кивнула, пролепетав:

– Спасибо... Мне уже легче. Это просто...

– Страшно стало, что прямо как во сне?

– Д-да... Да, чтоб им всем пусто было. Но я не сдамся! И не убегу!

Билл, видя, что женщина взяла себя в руки, не торопясь прошёл к алтарю. Осветил его своим факелом, подняв тот повыше. Покачал головой:

– Нет здесь никаких потёков. Не нужно бояться. Впрочем, сокровищ пока тоже не видно. Может, мы куда-то не туда свернули?

– Так нету же здесь никаких ответвлений! – Майкл был явно рассержен, – Путь имеется – только один!

– Ну, тогда предлагаю разделиться, и всё здесь осмотреть. Получше. Может, ещё какой «секретный» проход найдём. Уж по части «прятать» тут работали мастера.

– Звучит разумно. Ладно, приступаем. Линда. Держитесь пока с Этьеном. Я – осматриваю пещеру справа. Этьен – слева. Вы, Билл – прямо. Вон ту. Торцевую стену.

Билл кивнул. Но едва отошёл от алтаря чуть дальше, действительно ближе к торцевой стене, покрытой натёками из каких-то зелёных и голубых, сочившихся когда-то, струй,

обнаружил за выступом в полу искусно замаскированный люк. Деревянный.

Вернее, это раньше он был люком. Сверху присыпанным камнями и обломками: чтоб скрыть от посторонних, чужих, глаз. А сейчас доски сгнили, и квадратное каменное отверстие с бортиком, на котором раньше держалась крышка, было прекрасно видно. А сам люк, с маскировавшими его когда-то камнями и гравием, Билл обнаружил на глубине пяти-шести футов. И выглядел тот сильно искорёженным...

Засунув в квадратную дыру факел, и осмотрев, Билл обнаружил в нижней части одной из его стен узкий круглый лаз со ступенями, ведущий куда-то вниз – под алтарь. Лаз был – только-только пролезть одному человеку. Не толстому. Билл сказал:

– Майкл, Этьен. Идите сюда. Мне кажется, я кое-что нашёл.

Когда кузены подошли, только самый наивный человек посчитал бы выражение на их лицах радостным. Перспективы лезть в крысячью нору явно напрягали. Майкл проворчал:

– Словно в склеп какой лезть. – мужчина тяжело вздохнул, – Или в могилу. Но – надо! Этьен. Подержи мой факел, пока я...

Майкл сел на край лаза. Посмотрел, словно в последний раз, в глаза всем. Тяжело вздохнул. И спрыгнул на крышку. Того, что случилось дальше, никто предвидеть не мог.

Крышка оказалась искусно замаскированной и подготовленной ловушкой!

И едва её коснулись ноги человека, подалась, и улетела вниз!

А следом за ней полетел и заоравший благим матом Майкл, тщетно пытавшийся руками и ногами затормозить своё падение!

Но ничего у него не выходило, потому что там, внизу, колодец сильно расширился, и сечение имел примерно десять на десять футов!

Та ещё шахта! И уж она-то – точно не «природного происхождения»!

И в ней секунд через семь-восемь затих дикий вопль Майкла, сменившись глухим ударом! Билл сплюнул. Этьен перекрестился. Визжавшая истошно во время падения Майкла Линда схватила Этьена за руку:

– Уйдём отсюда! Иначе мы все погибнем!

Но Этьен руку высвободил. Сглотнул:

– Нет. Мы закончим начатое! Но сначала... Достанем Майкла!

– У нас верёвки – всего сто футов. – Билл, забрав из рук Этьена факел Майкла, кинул его вниз. Считал вслух: «Раз, два, три... семь». – А здесь – футов триста, не меньше.

Факел, упавший наконец рядом с вывернутым под невероятным углом телом Майкла, вспыхнув на секунду яркой звёздочкой, и отразившись в выпученных мёртвых глазах

разбившегося, погас. Но красная точка в неизмеримой дали, сказала им, что помочь своему спутнику они уже ничем не смогут...

Билл сказал:

– Все наши запасные факелы лежали в рюкзаке Майкла. А эти прогорят минут через десять. Предлагаю пока вернуться – в темноте мы здесь просто заблудимся!

6. «Упрямство – добродетель ослов!»

– Я... Руками и ногами – за! – обхватившую себя руками Линду трясло, почище, чем в лихорадке, и искоса глянувший на неё Этьен, скрипнул сжатыми зубами. Сжал побелевшие кулаки. Но вынужден был констатировать, что в данной ситуации они бессильны:

– Пожалуй мы и правда... Пока не сможем сделать ничего. – он выделил слово «пока» тоном, – Но зато мы можем вернуться сюда снова! Когда принесём ещё факелов, и... Пообедаем. Там, внизу, в тюках, осталось ещё достаточно дров. Можно что-то выбрать. Для новых факелов.

Билл не стал ничего говорить, вместо этого двинулся напрямиком к выходу.

Линда за его спиной вдруг зашипела:

– Ай! Чёрт... Помедленней можно?! А то я же – и без света, и без обуви! Вот: наступила на острый обломок!

– Идёт кровь? – Билл поспешил развернуться, и осветить остатками своего факела присевшую наземь женщину. Та как раз осматривала свою подошву:

– Нет. К счастью, не до крови. Но всё равно – больно! Надо было у этих индейцев разжиться и мокасинами!

– А кто должен был подумать об этом и сказать?

– А у меня до этого не было проблем! Потому что я ехала верхом!

– А может, мы закончим препираться, и пойдём наконец? А то факелы и правда – прогорят.

– Но нога же – болит! Я теперь наверное буду хромать!

– Ладно. Я пойду помедленней. – Билл отметил, что «доработанное» им платье в таком варианте вообще ничего не скрывает, и движений не сковывает, а уж ножку Линда задирала так, чтоб всем было видно то, что у мужчин вызывает... Слюноотделение. (Пришлось сглотнуть.) И прочее вождение (Пришлось поправить то, что имелось в штанах.), – Этьен. Прикроете тыл?

– Да. – похоже было, что «шоу» рассчитано было как раз на Этьена – чтоб тот отвлекся от мыслей о брате. Вроде, это сработало. Поскольку больше никто из них ничего не сказал, пока они не выбрались по узкому проходу-тоннелю в большую пещеру.

Билл, хмуря брови, выругался, теперь уже вслух:

– Чтоб мне сдохнуть! (Тьфу-тьфу!) По-идее, мы должны сейчас были повернуть налево! Ведь выход – там! А тут – что-то не то! Пещера-то... опускается *вправо*! А слева вообще нет прохода! Что за дела?!

Действительно, та пещера, куда они попали, казалась зер-

кальным отражением той, что имелась у входа: направо уходил опускавшийся пол, и там, в сотне шагов, имелось узкое отверстие выхода. Чёрное. Поскольку по нему не доходил свет солнца: узкий извилистый лаз не пропускал прямых лучей.

Этьен почесал затылок:

– Что за чёрт! Ведь Билл прав, я отлично всё помню: нам – налево!

Линда снова обхватила себя руками, словно ей было холодно. И страшно. Впрочем, скорее всего и то и другое, поскольку охрипший голос дрожал:

– Это – ловушка! Нас пытаются обмануть! И заставить идти туда, где они нас!..

– Ну, с тем, что это – ловушка, и мираж, я, пожалуй, соглашусь... – Билл отдал Линде факел: тот тоже дрожал в руке женщины, но свет давал.

Билл подошёл к стене слева, и принялся методично ощупывать её руками, сверху донизу, похлопывая и шурша ладонями по камням. Вдруг его правая рука словно провалилась куда-то: прямо сквозь казавшийся незыблемым камень!

– Вот же чёрт! Здесь – пустота! Похоже, тот самый выход! А по виду – непроходимая скала! Ну и дела! Какой... совершенный обман зрения! Иллюзия, почище, чем у ярмарочных фокусников!

– Перестаньте поминать чёрта. А то, не дай Бог, накликаете! Беду.

– Так, похоже, что уже! – Этьен перехватил свой гаснущий факел, и снова чертыхнулся, кивнув за спину, – Вон: Майкл! Кто бы мог подумать?! Какое коварство!..

– Пойдёмте-ка скорее, пока свет ещё есть. – Билл засунул голову «сквозь» камень на том месте, куда исчезала, провалившись в «скалу» его рука, и вернул её обратно, – Всё в порядке! Я увидел снова ту, первую, пещеру. Она не изменилась. Вроде.

Билл забрал свой факел у Линды. Шагнул сквозь стену. Сжав зубы, и взявшись за руки Линда и Этьен прошли за ним сквозь неощутимую, но казавшуюся до этого неизбежной преграду. Все трое оказались действительно в первой пещере, на вид ничуть не изменившейся. Билл оглянулся. Хмыкнул. Злости в тоне не скрывал:

– Вот же... э-э... сволочи! А *отсюда* проход-тоннель видно отлично! Зато не видно той, зеркальной, пещеры!

– И правда... Но пошли быстрее. А то у меня огонь уже почти у пальцев.

– Да, Этьен. Идёмте. Линда, тебе пол видно?

– Видно.

Билл двинулся вперёд, поминутно пробуя пол подошвой: он помнил, что где-то тут есть двухфутовая бездонная (Ну, или показавшаяся таковой при первой встрече!) трещина, но почему-то не видел её. Спрятали, гады, под очередной иллюзией?!

Но вот трещина и нащупалась! Он просто перескочил че-

рез неё:

– Осторожней! Чёр... э-э... Проклятую трещину тоже – спрятали!

Этьен и Линда, так не отпуская рук друг друга, перепрыгнули. Билл покачал головой: если у хозяев этой пещеры такие богатые возможности по «маскировке», почему они просто сразу не спрятали вход в пещеру?!

Ну, или вход в трещину, приведшую их к этому входу...

Сквозь лаз пришлось протискиваться уже в полной темноте: факел Билла, пошипев, и поплевавшись водой, оказавшейся в заднем торце, погас. У Этьена он погас ещё в пещере. Линда сопела, и вздыхала, но ничего не говорила. Мужчины тоже помалкивали, если не считать междометий, когда кто-нибудь напарывался какой-нибудь частью тела на очередной скалистый выступ.

Но вот впереди, божественной искоркой, забрезжил тусклый отсвет дневного света!

Билл вздохнул:

– Ф-фу-у... Слава Богу!

– Что там, Билл?

– Свет, Линда, свет! Тусклый, но явно – дневной. Вы что – не видите?

– Дневной свет? Нет. Я иду словно сквозь чернющую ночь! Наощупь!

– Странно. Потому что я, вроде, тоже вижу отсвет. Серый такой. Вон он: впереди!

– Э-э, неважно! Двигайтесь быстрее! Может, у меня какая куриная слепота снова открылась, как в детстве! Главное – выбраться из чёртовой пещеры наружу!

– Ну и кто теперь чертыхается?

Этьена ответом не удостоили. Зато – Билл заметил! – уж посмотрели! Якобы «невидящим» взором!

Снаружи ничего не изменилось: всё так же бежали по небу серые тучи, и проглядывал иногда клочок голубого неба – прямо над их головами. Лицо индейца над входом словно изменило выражение: из сурового превратилось словно в издевающееся... Линда поморгала, потёрла глаза руками. Сощурилась, задрав головку:

– Гос-споди! Какое счастье! Я – снова вижу!

– А вы действительно ничего не видели там, в тоннеле?

– Нет, Этьен. Говорю же: всё вокруг было черно, как в заднице у негра, и я шла только наощупь! Ну, и на слух. Мне было слышно, как Билл сопит и протискивается... Но вот сейчас... У меня словно пелена с глаз упала!

– Вот-вот. Об этом я и хотел поговорить. – Билл был мрачен и сосредоточен, – Как мне кажется, те, кто здесь обитал, ну, или обитает, если духов предков этих Хроака считать за обитателей, очень даже запросто могут морочить нам голову! Миражами и видениями. Ведь в первой пещере, мы все видели, когда вошли, не было никакого другого пути, кроме как направо! А когда выходили – нам показали совсем

другой путь! Который потом снова исчез! И, готов поставить свой кольт против зубочистки: если б мы туда пошли, обратно, наружу, уже не выбрались бы никогда!.. Нас бы... Запутали!

– Пожалуй, соглашусь. – Этьен, словно не веря своему счастью, оглядывался вокруг: явно радовался и небу, пусть и небезоблачному, и твёрдой тропе под ногами, и даже узким стенам ущелья, – Мы только что прошли сквозь «скалу». И довольно спокойно. Но! Только потому, что Билл до этого прощупал там всё рукой! И голову «наружу» высунул. И понял, что все эти маскирующие настоящий выход скалы – только обманка! Мираж! А как подло они спрятали эту трещину в полу! Если б не память нашего проводника – так и лежали бы мы сейчас на её дне!..

– Похоже, эти гады могут ставить свои обманки в любом месте этой пещеры. И получается, мы никогда не узнаем, как *на самом деле* выглядят все эти сволочные пещеры. И сколько там на самом деле ответвлений и проходов. И залов. И ловушек!

– Ну, не знаю... – Этьен хмурился, – Вот если бы у нас была, скажем, святая вода... Или распятие...

– Ха! – Билл с иронией глянул на молодого человека, – Вы что же, всерьёз полагаете, Этьен, что христианские символы смогут как-то изменить древние *индейские* заклятья? Или аннулировать их колдовство?! Они же – язычники! Они верили в своих божков, духов предков, и идолов ещё до того,

как сюда ступила нога первого белого человека! И плевать хотели на чуждую веру. А в том, что *их* заклятья – действуют, мы с вами, по-моему, убедились!

– Н-да, это уж точно. Не вижу смысла отрицать очевидное. Но что же нам теперь делать?

– Как – что? – Билл пожал плечами, – По мне, так всё ясно. Не найдём мы здесь никаких сокровищ. А если и найдём – так и они будут обманкой! А если и не будут – так не дадут нам их вынести. И сгинем мы тут, в чёртовой дыре, ни за понюшку табаку! Как сгнуло уже неизвестно сколько народу. Возможно, нашедших этот проход ещё тогда, пятнадцать-двадцать лет назад! Я лично слышал о девяти пропавших без вести кладоискателях... Ну, тех, кого знал лично. А сколько их пропало на самом деле – никто не знает!

Собственно, я уже сказал, что лично мне никаких этих проклятых сокровищ и не надо. Так что я сейчас возвращаюсь к лошадям. Беру свою, двух из выючных, и...

Отчаливаю! Поскольку свой долг проводника к обозначенному месту на карте я честно выполнил! Вот только жаль, что карта пропала вместе с Майклом. Хоть что-то можно было бы оставить себе на память! Или... Лучше не надо. Не дай Бог, найдут дети или внуки – наверняка ведь тоже... Захотят съездить. Поискать.

Так что я – еду.

– Погодите, Билл! – Этьен теперь нервно кусал губы, и хмурился, – Но вы же не можете нас вот так – бросить!

– Это почему же, интересно?

– Ну... Обычная порядочность... И сочувствие. К женщине. И обязательства перед компаньонами! И...

– Что? *Порядочность*?! – Билл перебил Этьена, – И это говорите *вы*?! Не знаю, что вы там себе вообразили, Этьен, но ведь я слышал ваш разговор! Когда вы с братом думали, что я сплю.

– Какой ещё разговор?!

– Тот самый, вчерашний! Когда Майкл спрашивал, не пора ли уже наконец дать нам с Линдой порцию чёртова цианида на завтрак, а вы сказали, что лучше вначале подождать, когда я действительно найду вам вход в пещеру! И убедиться, что это – именно то, что надо! И шёл впереди, чтоб, если что – попасть в ловушки!

А цианид не портится – его прекрасно можно дать и завтра.

Этьен густо покраснел, что лишний раз доказывало, что профессиональный игрок в покер из него – никакой. Может, поэтому кузены и решились оставить это рискованное занятие. Правда, лишь для того, чтоб ввязаться в ещё более рискованное.

Линда, поглядев на Этьена, сжала кулачки. Засопела. Отодвинулась от мужчины. Затем вдруг в голос разрыдалась, кинувшись к Биллу на грудь:

– Увези меня отсюда! Скорее! Не хочу больше его видеть! А я-то, дура, его уже!.. Всей душой! А они с братом – нас!..

С самого начала всё спланировали!

– Линда... – кусающий губы Этьен тем не менее нашёл в себе силы и мужество подойти ближе, и говорить, обращаясь пусть и к спине женщины, но внятно и чётко, – Всё это – правда. Да, мы с братом планировали убить проводника... И вас – поскольку мы тогда принимали вас за... досадную помеху! Свидетеля. И деньги хотели поделить.

Но так было только вначале! А сейчас я ни за что не согласился бы убить вас! Ведь я уже тоже...

Люблю вас!

Билл запросто поверил в это, поскольку бледное лицо, пот на лбу и прикушенные губы однозначно говорили, что мужчина не лжёт.

Линда оторвала заплаканное лицо от груди Билла. Повернулась к Этьену:

– Это – правда?

– Да. Да, чтоб мне сдохнуть! Со мной *такое* – в первый раз!

Линда отвалилась от груди Билла, и взяла вновь покрасневшего и явно чувствовавшего себя не в своей тарелке Этьена за руку:

– А я-то думала, что мне это только кажется. Что я тешу себя иллюзиями! Да оно и понятно: падшая одинокая женщина, проститутка – ну как полюбить такую!..

– Сам удивлён. Но вы не поверите: когда вас стегали плетью по... Ну, словом, когда вас ударил тот индеец, я ду-

мал, что сейчас умру! Так мне сжало сердце – словно стальной ледяной рукой! И какое наслаждение было потом: когда я всадил в этого мерзавца пулю! А я вообще-то не кровожаден. Когда мне было семь, и при мне соседские мальчишки повесили кота, я три дня плакал...

Вот тогда-то, испытав дикую радость, и счастье, когда этот краснокожий упал мордой в траву, я и понял... Что пропал навсегда!

– Это замечательно. Как говорится, совет да любовь! – Билл решил вернуть двух снова взявшихся за руки и глядящих друг другу в глаза болванов на грешную землю, – Рад, что вы поняли друг друга. Но раз уж вы, Этьен, нашли своё «настоящее» сокровище, может, вы не станете рисковать его жизнью? Да и своей заодно? И мы спокойно и мирно двинемся... Домой?

А вернее – в Луизиану. Потому что уж кто-кто, а Мозэс ни за что не поверит, что мы нашли чёртову пещеру, а вернулись... пустые!

1.

– Дорогая, мы – как? Плюнем на чёртов клад, и попробуем начать новую жизнь?

– Хороший план. Ну, Луизиана, так Луизиана!

Спуск, как ни странно, занял буквально десять минут. (Билл снова подумал, что по части морочить головы, местным духам равных нет!)

Билл, растреноживая лошадей, и поглядывая, как воркуют, обнявшись, двое влюблённых, посмеивался в усы: он готов был поспорить на, вот именно, свой верный кольт против дохлой крысы, что сюда, в ущелье, к сокровищам, эти двое ещё вернутся!

Ну а вот он – ни за что!

2.

– Дорогая. – Этьен хмурился, и кусал губы, – Думаю, ты меня поймёшь. И простишь. Я тебя ни к чему не призываю, но сам я... Должен вернуться! И хотя бы попытаться найти этот клад. Хотя бы в память о Майкле!

– Не забывай: мы теперь – вместе! И если ты считаешь, что мы должны попробовать, я – за!

Ведь со смертью твоего брата, по-сути, ничего не изменилось! Нам нужно начинать новую жизнь. Пути назад нет. И Луизиана в этом плане ничуть не хуже любого другого места... Но! Начинать новую жизнь с некоторым количеством наличности в карманах куда сподручней!

– Чудесно, дорогая! Тогда Билл. Как вы смотрите на то, чтоб мы спустились вниз, честно поделили оставшиеся продукты и лошадей. И вы – отбыли в Луизиану. А мы...

Попробовали ещё раз, с новыми факелами, и твёрдой уверенностью, что, если что – выход *нащупаем*, добраться до этого золота!

Билл, подумав в очередной раз, что золотом-то, похоже,

здесь и не пахнет, пожал плечами:

– Бог вам в помощь! Но лично я – пас! Можете считать меня... Струсившим!

– Вас, Билл в трусости заподозрил бы только совсем уж кретин! Так что давайте спускаться, всё делить.

И прощаться.

Спуск, как ни странно, занял буквально десять минут. (Билл снова подумал, что по части морочить головы, местным духам равных нет!)

Пожитки и припасы они честно поделили. Билл забрал двух понравившихся ему вьючных лошадей. Правда, прощание вышло смазанным: все ощущали неловкость.

Уже сидя на своём коне Билл «напутствовал» влюблённых:

– Мы имели, а вам снова предстоит – иметь дело с потусторонними силами.

И только, вот именно, идиот, может ломиться к таким в гости, не подумав об отступлении, и не подготовив его пути... И ничего постыдного не будет, если вы передумаете, и решите плюнуть на эти чёртовы сокровища!

– Мы... – Этьен и Линда, державшиеся за руки, переглянулись, – Не передумаем!

– Ну, тогда прощайте. – Билл повернул своего коня, и направил его вверх по ущелью. Вьючные лошади плелись сзади в поводу.

Назад Билл не оглянулся ни разу.

3.

– Дорогая. – Этьен хмурился, и кусал губы, – Думаю, ты меня поймёшь. И простишь. Я тебя ни к чему не призываю, но сам я... Должен вернуться! И хотя бы попытаться найти этот клад. Хотя бы в память о Майкле!

– Не забывай: мы теперь – вместе! И если ты считаешь, что мы должны попробовать, я – за!

Ведь со смертью твоего брата, по-сути, ничего не изменилось! Нам нужно начинать новую жизнь. Пути назад нет. И Луизиана в этом плане ничуть не хуже любого другого места... Но! Начинать новую жизнь с некоторым количеством наличности в карманах куда сподручней!

– Чудесно, дорогая! Тогда Билл. Как вы смотрите на то, чтоб мы спустились вниз, честно поделили оставшиеся продукты и лошадей. И вы – отбыли в Луизиану. А мы...

Попробовали ещё раз, с новыми факелами, и твёрдой уверенностью, что, если что – выход *нащупаем*, добраться до этого золота!

Билл, подумав в очередной раз, что золотом-то, похоже, здесь и не пахнет, пожал плечами:

– Бог вам в помощь! Но лично я – пас! Можете считать меня... Струсившим!

– Вас, Билл в трусости заподозрил бы только совсем уж кретин! Так что давайте спускаться, всё делить.

И прощаться.

Спуск, как ни странно, занял буквально десять минут. (Билл снова подумал, что по части морочить головы, местным духам равных нет!)

Пожитки и припасы они честно поделили. Билл забрал двух понравившихся ему вьючных лошадей. Правда, прощание вышло смазанным: все ощущали неловкость.

Уже сидя на своём коне Билл «напутствовал» влюблённых:

– Мы имели, а вам предстоит – иметь дело с потусторонними силами. И только, вот именно, идиот, может ломиться к таким в гости, не подумав об отступлении, и не подготовив его пути... И ничего постыдного не будет, если вы передумаете, и решите плюнуть на эти чёртовы сокровища!

– Мы... – Этьен и Линда, державшиеся за руки, переглянулись, – Не передумаем!

– Ну, тогда прощайте. – Билл повернул своего коня, и направил его вверх по ущелью. Вьючные лошади плелись сзади в поводу.

Оглянувшись через пару минут, Билл увидел, что влюблённые, забыв про его отъезд, всюю роятся по тюкам: очевидно, в поисках дров, которые сошли бы за факелы.

Билл покачал головой: идиоты. И ведь это не любовь сделала их такими.

А клад! Этот сволочной, уже сведший с ума десятки и сот-

ни людей, клад!

Линда и Этьен словно подпали под тот странный гипноз, то очарование, которым обладает для слабовольного человека золото! И даже – легенды о нём... И если Билл с самого начала не слишком-то хотел обладать этим кладом, поскольку отлично осознавал, что жить ему осталось немного, то Этьен и Линда молоды! И здоровы. И думают, что впереди у них – вся жизнь! Ну а поскольку они понимают, что с деньгами жизнь станет куда приятней, естественно, они будут стремиться заполучить эти чёртовы сокровища. Попытавшись обмануть тех, кто охраняет это место.

А он...

Получается, бросает двух влюблённых идиотов на произвол судьбы! А вернее – на растерзание этим чёртовым духам! Обмануть которых так же реально, как угадать в рулетку десять цифр подряд!

Этьен где-то прав. Это – не по-товарищески. Хотя...

Какие они – товарищи?

То, что они перестреляли восемь наёмных убийц и две дюжины краснокожих, вовсе не делает их товарищами. Товарищ – это нечто большее. А они – просто... Деловые партнёры! И сейчас он свою часть сделки выполнил. Выполнил честно.

Билл криво усмехнулся: кого он пытается обмануть?!

Если он уедет, наплевав на судьбы этих молодых и наивных балбесов, они наверняка погибнут! И смерть их будет,

пусть и недолго, до его смерти, но – на его совести!

Когда он снова вернулся к стреноженным лошадям, прошло не больше часа.

Однако ни Этьена ни Линды видно рядом уже не было. Из чего Билл сделал вывод, что они даже не пообедали, как было намеревались. А ведь он тоже не поел!

Поэтому засунув в карман побольше солонины из тюка Мозэсовских наёмников, и захватив ещё несколько кривых сухих палок, которые при случае могли бы послужить факелами, он двинулся по ущелью с гравием вверх. Чтоб не терять времени, он решил есть на ходу. И действительно, жевал, запивая скуными глотками из фляги, которую успел наполнить из ручейка.

На подъём ушло примерно столько же, сколько в первый раз: почти час. Но Билл уже был готов к такому: развлекаются духи, да и пусть их...

У входа Билл обнаружил нечто новое: за один из скальных выступов оказался привязан конец тонкой бечёвки. А молодец Этьен! Подстраховка тут не помешает...

Однако и сам Билл кое-что придумал по дороге. Сняв с пояса флягу, он открутил колпачок. Дева Мария? Нет. Тут... Нужно что-то посолидней. Самое, так сказать, сильное... Встав на колени, он склонился над флягой:

– Отче наш. Иже еси на небеси...

Когда молитва была прочитана три раза, Билл встал. Сме-

ло отпил глоток побольше. Ну вот. Эффект есть! Он заметил, как сразу изменилось выражение на высеченном над входом в чёрный лаз лице! Снова – равнодушно-презрительное. Ну, или это освещение изменилось от вновь набежавшей тучи...

Остатки костерка, от которого Этьен и Линда запалили свои факелы, ещё тлели. Билл раздул, подбросив несколько тонких веточек. Запалил свой факел – кривой, но толстый. И шагнул внутрь.

Узкий проход не изменился ни на грош. Зато теперь, со светом, он мог снова не трескаться лбом о чёртовы выступы.

Билл ещё возвращаясь подумал, что их могли оставить и специально – чтоб спасающийся поспешным бегством неудачливый, или насмерть перепуганный кладоискатель трескался лбом с разбегу, и – уж так, чтоб больше не встать!

Первая пещера, куда привела бечёвка, тоже, вроде, не изменилась. Следов двух влюблённых Билл однако нигде не видел. А чего бы он хотел? Чтоб те, словно Гензель и Гретель, оставляли ему хлебные крошки? Так вот же она: бечёвка...

7. Проклятье сокровища Хроака

Бездонная двухфутовая трещина тоже оказалась на месте: та ещё ловушка.

Протискиваясь в узкий лаз, ведущий к маленькой пещерке, Билл начал уже с двумя факелами: первый начал подозрительно шипеть, и рассыпать искры, словно собирался по-

гаснуть. Билл запалил второй сразу, и теперь чувствовал себя идиотом: первый, закончив вдруг трещать, снова загорелся ровно.

Но вот он и внутри пещеры.

А ничего и в ней не изменилось. Никого нет. Но бечева кончается здесь.

Билл прошёл к «алтарю». Нет, никакой Линды, распятой на нём, не было. Как и подвешенного головой вниз и истекающего кровью Этьена. Тьфу ты – привидится же...

Однако когда зашёл за алтарь, обнаружил привязанную к мощному сталагмиту, сросшемуся со сталактитом в ту ещё колонну, верёвку. Их верёвку. И вёл её конец, ясное дело, в ловушку, поймавшую Майкла. Билл осветил в шахту.

Хм-м... Красная точка ещё светится – не иначе, как Этьен проверял, на месте ли брат. Ну а Биллу проверять смысла нет: куда может уйти покойник? А никаких других ходов из шахты, ведущих бы наверх, Билл не видел ещё в первый раз...

Факелы пришлось переложить в одну руку. После чего Билл не без труда – рана в ноге ещё откликалась острой болью! – спустился по верёвке к лазу. Протиснулся.

Да что же это такое!

Вперёд, под алтарь, и вниз уходил очередной крутой коридор, с закопчёнными стенами и потолком. Ходили тут, значит. Ну вот и ему придётся... Идти.

Спуск по лазу, к концу несколько расширившемуся, занял минут пять. И вот Билл – в пещере, словно зеркальной копии

маленькой верхней, с алтарём. И алтарь в ней тоже имеется. Точно такой же.

И уж к этому-то Линда привязана!

А над ней, с поистине дьявольским выражением на бело-сером лице, стоит...

Майкл!

И не просто стоит, а собирается вонзить в сердце женщины корявый и большой нож из обсидиана! Вот уж эту штуку трудно с чем-то спутать! Чёрное зловещее грубо вытесанное лезвие ножа отсвечивает неровными гранями в свете факелов, воткнутых в трещины в стенах пещеры. Не иначе, Линда и Этьен воткнули их туда.

Понимая, что не успеет помешать начавшей движение вниз руке чудом ожившего – вернее, оживлённого какой-то зловещей силой! – покойника, Билл делает единственно возможное в такой ситуации: отбрасывает факел, выхватывает верный кольт. И стреляет Майклу в голову!

Пуля оставляет огромную чёрную дыру в центре лба.

Однако кровь оттуда не идёт. Да и сам Майкл, как ни странно, не падает – а только чуть отодвигается назад, очевидно, отброшенный силой отдачи! Ну правильно: с чего бы падать и умирать тому, кто мёртв уже несколько часов?!.. Зато от Линды труп отодвинулся. Но не прошло и секунды, как зомби снова пытается подойти к женщине!

Билл чертыхается про себя, и спешит подойти, стреляя на ходу: похоже, несмотря ни на дырки от пуль, ни на то, что

он давно мёртв и все кости изломаны, Майкл всё же хочет вонзить женщине в грудь свой тесак!

Видимо, Майкл себе уже не принадлежит!

Когда закончились патроны в первом кольце, Билл переходит ко второму, стремясь выбить чёртовому зомби глаза, и перебить позвоночник в шее. Это удаётся, но проклятый мертвец ни за что не желает падать на пол, и умирать окончательно. Даже с неестественно вывернутой шеей и пустыми воронками глазниц Майкл упрямо замахивается ножом на распятое тело!

Не придумав ничего лучше, Билл засовывает и второй израсходованный револьвер в кобуру, и достаёт флягу со своей «освящённой» водой. Плескает прямо в мертвеца, к которому к этому времени подошёл почти вплотную.

Мертвец шипит: совсем как Линда, когда напоролась на камень подошвой. Однако, пусть и видно, что ему больно, но на действиях трупа это никак не сказывается: нож снова поднят во взмахе! Билл в отчаянии пинает упрямого мертвеца в центр груди.

Вот теперь труп падает на спину.

Наконец голос подаёт и Линда, до этого только рыдавшая, подвывавшая, моргавшая и прерывисто дышавшая:

– Расчлени его! Отрежь руки и ноги! Тогда он не сможет двигаться!

Билл, подозревая, что женщина, со свойственным ей коварством, уже смогла тут что-то выяснить, или хотя бы – об-

думать, кивает: решение кажется разумным! Насколько бы не были сильны ниточки, управляющие этой марионеткой, если перерубить эти ниточки, управление закончится! А если ниточек не видно, нужно просто... Удалить, отсечь конечности, которыми управляют зловещие невидимые кукловоды!

Подойдя к пытающемуся встать труп, которому сделать это явно сильно мешают уже переломанные ноги, Билл переворачивает Майкла на живот. Опускается рядом. Коленом придавливает спину трупа – вжимая в камень пола. Достает свой большой нож. Так. Вначале – рубаху. Потом – кожу. И вот теперь – мышцы и сухожилия плечевого сустава...

Тело под ним трепыхается, понятное дело. Но силы и резкости живого человека в нём, конечно, нет. Как нет и крови. Била мутит, челюсти сводит, но чудовищным усилием воли он удерживает позы: вначале дело – потом «удовольствия»!

Когда Билл закончил наконец омерзительную операцию, обе руки зомби оказались надёжно отпилены и отделены от торса. Но на всякий случай Билл отпиливает и голову. Хотя даже с перестрелянным позвоночным столбом с ней приходится повозиться.

Когда отбросил в дальний угол голову и руки Майкла, сдерживаться больше не смог: всё, что скушал по пути сюда, вывалил тут же, рядом с оставшимся лежать неподвижно, телом.

Когда Билла перестало выворачивать, и он смог отдышаться, наконец встал.

– Какое счастье, что ты всё же вернулся! – похоже, рыдавшей до этого, и захлёбывавшейся слезами Линде удалось наконец взять себя в руки. (У Билла мелькнула мысль: а Линда ли это?! Или ему показывают очередную обманку?! Быстро отхлебнув из фляги, он с удовлетворением отмечает, что ни в пещере, ни в женщине ничего не изменилось!)

– Где Этьен? – вытерев нож об одежду трупа, Билл подходит. Пока перерезает своим ножом толстые верёвки на кистях и лодыжках женщины, та стонет и подвывает. Но теперь, кажется от радости, что отделалась лёгким испугом... И, похоже, зря он спросил.

Потому что рыданиями Линда раздражается с новой силой.

– Так где он?

– Он... Его... Его унесли!

– Уж не «чёрные» ли люди?

– Да! Они самые! Здоровые такие... Настоящие гиганты!

– Негры, что ли?

– Нет! Нет. Даже близко не похожи. У тех кудрявые волосы и сплюснутые носы. А у этих... Волосы прямые, длинные. Носы нормальные, как у нас. Европейцев. А вот головы... Такие... вытянутые! Затылок – словно выступает. Назад. Сильно! Кажется, черепа вдвое длиннее, чем их ширина!

– Понятно. – Биллу ничего не понятно, но он, закончив

перерезать верёвки, принимается за насущные нужды: срочно перезаряжает свои верные револьверы, – Если они материальны, и – живые, думаю, пули-то их... Угомонят!

– Может быть... Но я бы не стала спорить на это! Билл! Вы попытаетесь спасти Этьена? Может, ещё не поздно?

– А когда они его забрали?

– Ну... Где-то минут десять назад!

– А почему вы тогда оказались до сих пор живы?

– Я... Я отвлекала Майкла. Мольбами. И вопросами.

– Типа того, как это он до сих пор может двигаться?

– Да!

– И – как?

– Он не ответил. – глаза Линды казались огромными, – Да, собственно, он ни на один мой вопрос не ответил! Но слушал их. И только скалился. И смеялся: «Кхе-кхе-кхе!», – Билл подумал, что всё верно: кто бы ни дёргал за ниточки, управлявшие только что марионеткой по имени Майкл, ему наверняка забавно и интересно было послушать вопросы и мольбы белой женщины, – Так страшно!.. Но, может, мы пойдём?

– И куда? – Билл, даже после очередного глотка из фляги не видел, куда можно пойти в пещере, оканчивавшейся явным тупиком.

– Туда! – Линда неопределённо махнула рукой, – Его уволок туда!

Билл пожал плечами. Туда – так туда!

«Там» обнаружился очередной искусно замаскированный узкий проход-лаз.

Билл дал женщине хлебнуть из своей фляги. Буркнул: «Я... э-э... освятил её, как сумел!» После чего отдал один из факелов Линде, от своего догоравшего запалил новый. И с ним в руке устремился сквозь новый необработанный лаз в темноту.

Идти на этот раз долго не пришлось: уже через минуту они выбрались в очередную пещеру. Совсем маленькую. Если сравнивать с предыдущими, конечно: а так – почти с главный зал салуна Мозэса. И здесь действительно имелся скальный жёлоб, с большим уклоном уходивший куда-то вглубь скалы, в чёрное отверстие с руку диаметром. А над жёлобом висел, головой вниз, нагой Этьен. С перерезанным горлом. Глаза мужчины были закрыты, но Билл сразу понял, что они опоздали: никто не выживет с такой раной...

Но не на него в первую очередь обратил внимание Билл.

А на странных существ, толпой окружавших мужчину, висевшего под потолком!

Действительно чёрные, словно тот же нож из обсидиана, что был в руке Майкла, высоченные, здоровенные: случись сойтись в рукопашной, у Билла не было бы ни единого шанса! На форму черепов Билл обратил внимание лишь после того, как всадил в каждую чёрную тварь по пуле из верных кольтов: действительно, вытянутые.

Существ оказалось пять. И когда они не проявили ви-

димого желания грохнуться наземь от полученных в грудь пуль, Биллу пришлось стрелять как раз в головы.

Существа, до этого недвижно стоявшие вокруг истекающего кровью человека, теперь соизволили оторваться от созерцания, и даже опустить и повернуть головы к Биллу.

После чего неторопливо двинулись к неожиданному «спасителю».

Билл сунул опустевший револьвер Линде, снабдив её и горстью патронов, которые достал из кармана:

– Перезаряди!

А молодец у них Линда. Не стала нудить, что не умеет, или что ей страшно, а принялась сосредоточенно и споро перезаряжать. Билл в это время стрелял из оставшегося: всаживал пули в тех монстров, что подходили особенно близко! Монстры чуть отдёргивались назад – явно от отдачи, в точности как тело Майкла, но умирать вовсе не собирались! Из чего Билл сделал вывод, что и они – уже не живые.

А – мёртвые. Зомби! Пленники неизвестного заклятья, тоже захваченные духами этой проклятой пещеры! Может быть, даже тоже – с поломанными конечностями, или расколовшимися черепами: вон: у одного словно мозги грязно-жёлтого цвета торчат сквозь трещину в макушке черепа! Жуть!!!

– Готово!

Билл схватил заряженный, сунул женщине опустевший:

– Теперь – его!

Пули он теперь выпускал только в глаза, но похоже было, что мертвецы и без зрения отлично знают, где их искать! Зато хоть не увидят, что он собирается сделать.

Заметив в углу одежду и пояс Этьена, Билл кинулся к ним. Выхватил огромное мачете, которое Этьен имел привычку таскать при себе.

Подскочив сзади к твари, подобравшейся к перезаряжавшей Линде особенно близко, Билл что было сил рубанул монстра под коленкой!

Нога, конечно, не перерубилась полностью, но тварь грохнулась наземь! Значит, всё верно он рассчитал: какие-никакие, а сухожилия и мышцы у монстров тоже есть!

Билл поспешил повторить столь успешную операцию ещё четыре раза!

Теперь чёрные люди могли только ползти. Что они и делали, упрямо продвигаясь к женщине! Билл почесал в затылке. Линда заорала:

– Чего ты там чешешь?! Сделай же что-нибудь!

– Что, интересно?! Может, посоветуешь?! Как можно драться с трупами?!

– Ха! Майкла же ты «уговорил»! Отвязаться!

– Хм-м... Пожалуй. Только вот странные они какие-то. Уж больно здоровые. Таким головы не отрубишь. Ну хоть руки и ноги.

То, что потом происходило дальше, Билл заставил себя воспринимать, как страшный сон. Иначе у него никогда не

хватило бы духа сделать то, что нужно было сделать.

Он действительно рубил суставы: и под коленями, и в локтях, и в плечах.

К счастью, анатомия существ оказалась схожей с человеческой практически во всём, и спустя какое-то – весьма продолжительное! – время Билл уложил-таки всех «ползунов» на пол. Заставив замереть в неподвижности... Хорошо хоть, рвать уже было нечем: его опустошённый желудок только что не стучал о рёбра. А уж как вопил его мозг!..

– Слава Богу! Наконец-то! Может, мы теперь сможем снять его?..

– Надеюсь. Помешать, вроде, некому. Только вот...

– Что?

– Посмотри, какой он белёсый весь. Даже с синевой. Кровь-то наверняка вытекла вся. А без крови, как известно, не живут. И он тоже... того!

Может на нас полезть!

– Ты думаешь?! – они и сами не заметили, как перешли на «ты».

– Конечно. Я так думаю, что здесь, в этих пещерах и катакомбах обитают некие... Действительно – очень древние духи. Даже не индейцев, что сейчас живут там, на поверхности. А, вот именно, этих самых Хроака. И они были ну очень могущественными колдунами. И все, кто умерли здесь, в этих местах, под их, так сказать, юрисдикцией, оказываются в их власти. Навсегда! Превращаясь вот в таких, – Билл указал

окровавленным мачете, – зомби! И ты же видишь: действует не только на людей!

Линду передёрнуло:

– Как это?!

– А вот так. Только совсем уж наивный человек может принять этих уродов – за людей. За обитателей нашей планеты. Они точно – чужаки! Но и на них подействовало! И захватило навсегда в плен! Думаю, Этьена мы снимем, конечно...

Только вот связать бы его не помешало! Если, конечно, ты не хочешь, чтоб я и ему поотрубал!..

– Н-нет... – Линду опять передёрнуло, – Но у нас нечем его связать!

– Как это – нечем? Он же висит на верёвке!

– А-а, точно. Ну что? Попробуем?

– Ну давай. – Билл пожал плечами, – А чего нам терять?

Даже связанный по рукам и ногам, словно цыплёнок на базаре, Этьен вращал глазами, клацал зубами, и порывался прикончить их: хоть голыми и ослабшими руками.

Из чего Билл сделал однозначный вывод, что мертвее мёртвого их компаньон.

– Этьен! Да Этьен же! Очнись! Умоляю тебя! – Линда, снова рыдая, теребила мужчину за плечи, и даже дала несколько пощёчин. Правда, без заметного успеха: в рыбьих тусклых глазах не мелькнуло ни тени узнавания, или осозна-

ния происходящего.

Билл подошёл. Присел рядом. Решил попробовать с другого конца:

– Этьен. Если не будешь отвечать, мы и тебе отрубим руки. И ноги. И сбросим в шахту. И тогда ты не сможешь слушать своим новым Хозяевам!

Как ни странно, это помогло. При слове «хозяева» мужчина замер, повернув голову к Биллу.

– Смотри-ка! А он – понимает!

– Нет. Он уже не понимает ничего. Он – труп. Это понимают и реагируют, его, вот именно, Хозяева. И мы сейчас имеем уникальную возможность... Пообщаться! С Духами.

Не боишься?

– Ха! – Линда вскинулась, зубы явственно выбивали чётку, – Боюсь, конечно! А куда деваться? Как ещё мы можем узнать, как вернуть обратно к жизни моего любимого?!

– Вы слышали вопрос, уважаемые. Как нам вернуть Этьена к жизни?

Скрипучий, хриплый, как у давешнего индейца из сна, голос, ответил. Причём рот Этьена даже не пошевелился. Голос шёл словно с потолка пещеры:

– Никак. Он уже – ушёл в наш Мир.

– Понятно, спасибо за честный ответ. А где эти самые... Сокровища? Можем мы на них хотя бы... Поглядеть?

– Можете. А если не будете прикасаться к ним, сможете даже выйти наружу, и продолжить... Жить.

- Ты согласна? Посмотреть на них при этом условии?
- Конечно! Должны же мы знать, за что погибли братья?
- Ведите!
- Встань. Иди прямо. Теперь поверни налево. Теперь... –

Билл послушно выполнял указания, игнорируя тот факт, что иногда ему приходилось буквально лбом прошибать «стены» – несуществующую обманку, и перепрыгивать через большие трещины. Линда молча следовала за ним, стараясь поднимать свой факел повыше.

Через пять минут они, преодолев ещё две пещеры, правда, крохотных, и два извилистых коридора-тоннеля, оказались в небольшой камере. В дальнем углу которой...

Действительно лежали сокровища!

Билл покачал головой: можно было и так догадаться! Да, собственно, он и догадался. Ещё до того, как они добрались до пещеры.

Несколько почерневших от времени столбов-идолов, приклонённых к стене. С вырезанными сурово-равнодушными, как у давешнего каменного изваяния, лицами и намеченными контурами рук-ног. Несколько головных уборов с перьями – правда, очень пышных, и с перьями таких птиц, которых Билл и не видал никогда. Щиты. Копья. Томогавки. Лук со стрелами – очевидно, всё это принадлежало когда-то именитым и легендарным Вождям...

Билл вздохнул. И на всякий случай отхлебнул ещё воды.

Ничего не изменилось. Линда спросила, обращаясь к потолку:

– А золота, ну, там, в самородках, или монетах, или хотя бы драгоценных камней у вас нет?

– Нет. – голос не стал вдаваться в подробности, но Билл и сам догадывался, что у древнего народа вряд ли могла быть *реальная* потребность в таких эквивалентах денежных единиц... *Натуральный обмен!* Например, шкуру оленя – на обсидиановый наконечник копья. Или лук. Который сделал профессионал: какой-нибудь старик, уже не могущий охотиться... А могущий сидеть в стойбище, и заниматься ремеслом.

Билла взяли за руку. Он отметил, что ладонь Линды мокра от пота и холодна, как ледышка. Билл, подняв голову к потолку, сказал:

– Благодарим. За то, что показали. И – оставили в живых. Брать мы ничего не будем.

– Тогда – уходите. Пока сомнения не проникли в ваши души. Те, чёрные, когда вначале их пришло двое, тоже обещали ничего не брать. Но затем взяли. Как они сказали – для их музея. Но нам всё равно: прикосаться или забирать священные реликвии предков не должен никто!

А позже за ними пришли ещё трое.

Их судьба вам известна.

– Да! – Линду снова передёрнуло, – С-спасибо. Мы... Пойдём, Билл?

– Да. – Билл не видел смысла задерживаться дольше. Тем более, что факела осталось всего два. А им ещё из шахты выбираться...

Оказавшись снаружи, и не без удивления поняв, что уже закат, Билл смог вздохнуть свободней, и выругаться всласть. Линда не протестовала: похоже, сама испытывала нечто подобное...

Они начали спускаться по знакомой тропе.

– Может, надо было всё же развязать Этьена? – Линда хмурилась.

– Нет. Зачем нам лишние проблемы? Не волнуйся: через примерно день он просто перетрёт свои верёвки о какой-нибудь острый камень, и освободится. К этому времени я хотел бы оказаться подальше отсюда!

– Я тоже.

8. «Хэппи» энд

Возле лошадей Билл почувствовал себя куда спокойней и свободней. И даже смог не без иронии вспоминать то, что с ними сегодня произошло:

– Чтоб мне лопнуть, если я хоть кому-то заикнусь о том, что со мной было.

– Я тоже. И стыдно, и страшно. И всё равно: как-то... Глупо всё это! Да и всё равно – никто не поверит! Что каких-то тухлых идолов и старые перья кто-то так надёжно и упорно охраняет! И столько народа из-за них погибло! Да и мы сами

чуть было не...

А сейчас давай-ка поужинаем. Да ляжем спать.

Однако выспаться Биллу не удалось: едва он начал погружаться в пучину сновидений, к нему под бок, а затем и на грудь забрались две удивительно мягкие и приятные тёплые выпуклости, над которыми обнаружилась головка Линды:

– Не могу заснуть! Может, сможешь помочь? Ну, как тогда, когда ты меня... Снял?

Билл не увидел смысла отказывать даме.

Да и зачем?!

Он и сам не прочь был забыться хоть на краткий миг!

«Краткий» миг растянулся. Угомонилась Линда лишь под утро. И Билл смог провалиться в чёрную зыбучую пучину не то, что сна, а – забытья...

Устал он очень от всей этой «экспедиции».

Утром выяснилось, что солнце уже встало, а Линда уже развела костерок, и даже подогрела на сковородке остатки лепёшек:

– Я смочила их водой, и теперь они должны быть мягкими и тёплыми!

Билл благодарно кивнул, отхлебнув вначале из своей «обработанной» фляги – его одолевала жажда после «бурной» ночи.

Однако у воды оказался весьма странный привкус.

Правда, распробовал он это слишком поздно! Когда сознание уже поплыло, мышцы свело судорогой, а в ушах – зазвенело! Вздохнуть оказалось невозможно, и он грохнулся обратно на свой спальный мешок!

Линда, подойдя, внимательно посмотрела ему в глаза. Кивнула:

– Ты правильно подумал. Я нашла цианид. Который братья приготовили для нас. Вернее – для тебя. Они же думали, что проводник будет один. Так что, как видишь, от судьбы не уйдёшь. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет!

Сознание Билла, как ни странно, ещё воспринимало её слова. А вот тело служить уже отказалось. По глазам поняв, что он ещё не умер, Линда сказала:

– Ты уж прости, что я с тобой – так. Деловой партнёр из тебя – как из гнилой палки крюк! Уж слишком горд. И независим. И вообще – ты слишком стар для меня! А мне очень хочется замуж! Но если я хочу, и правда, начинать новую жизнь где-то вдали от Толстого Мозеса, мне первичный капитал очень даже нужен. А это заплесневелое древне-индейское старье не продашь!

А вот наших коней, да ваши кольты, да и прочее барахлишко, я продам запросто! В любом штате! В любой лавке! А как продам – меня с деньгами фиг выследишь!

Так что прости, Билл, но придётся вам всем полежать, тебе – тут, остальным – в пещерах, нагишом, и без верных револьверов!

Билл ещё чуял, как с него стягивают рубаху... А штаны-то и сапоги с него стянули ещё ночью.

Затем глаза перестали видеть, но какое-то время он ещё слышал. Как Линда, так и не позавтракав, начала связывать в караван их лошадей. А затем и растреноживать их.

А вот того, как женщина двинулась вверх по маленькому ущелью, он уже не слышал. Как ничего уже и не осознавал и не думал. Как не слышал и хлопанья крыльев над собой.

Когда спустившиеся из казавшейся неизмеримой дали стервятники принялись рвать куски из его застывшего нагого тела, он был мертвее камней, окружавших его...